

Михаил Арсеньевич Кречмар

Центр мира

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=261752
Центр мира: Бухгалтерия и Банки; М.; 2009
ISBN 978-5-902479-12-3

Аннотация

Восточный Тянь-Шань – один из самых труднодоступных районов современной Азии. Именно здесь, на границе Китая и Казахстана, сплетаются в тесный клубок интересы исламских фундаменталистов, уйгурских сепаратистов, наркоторговцев, борцов за охрану природы и последователей учения Николая и Елены Рерихов. Спецслужбы КНР и Российской Федерации пытаются определить, что заставляет сотрудничать столь необычных партнеров. И для разведки в таком сложном регионе используют двух эмигрантов из России, возможно, известных читателям по предыдущему роману Михаила Кречмара «Жесткая посадка».

Содержание

Пролог	4
12 июня 2005 года	4
Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика	6
Шымкент. Суверенная Республика Казахстан	8
Часть I. Размышления и умозаключения	10
Алекс Зим, в прошлом – Александр Зимгаевский	10
Паб Red Elk. Ассинибойн-Сити	14
Полковник Шергин. Москва	16
Город Кюнес. Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика	20
Полковник Шергин. Москва	24
Урочище Ямат. Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика	27
Урочище Ямат. Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика	29
Китайская Народная Республика, провинция Синьцзян	32
Алматы, Республика Казахстан. Пять дней спустя	37
Анатолий Островский, доктор. Москва	38
Полковник Шергин. Москва	39
Алекс Зимгаевский, он же Зим. Ассинибойн-Сити	40
Посёлок Пичан. Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика	43
Санта-Моника. Народная Демократическая Республика Гурундвайя	45
Алекс Зим. Ассинибойн-Сити	50
Алекс Зимгаевский, он же Зим. Алматы, суверенная Республика Казахстан	52
Полковник Шергин. Москва	57
Майор Смирнов, комендант законсервированной военной базы «Мирный». Республика Казахстан	59
«Центр-Рерих», Москва	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Михаил Арсеньевич Кречмар

Центр Мира

Пролог

12 июня 2005 года

Автомобильный переход через границу Алтын Кошт

Мельчайший песок, принесённый порывами ветра из Турфанской пустыни, словно шёлковыми нитями касался человеческих лиц. Песок летел из-за границы – из китайской провинции Синьцзян, почти сплошной пустыни. Но скорее всего эта мельчайшая песчаная взвесь – так называемый *лёсс* – летела с восточных пределов Поднебесной – из долин великих рек Хуанхэ и Янцзы. Воздух был буквально пропитан этой взвесью, и даже бирюзовое азиатское небо поблёлкло от растворённого в нём песка.

До государственной границы, из-за которой песчаная пыль достигала территории суверенной Республики Казахстан, было около трёхсот метров. Эти триста метров асфальтового шоссе были запружены сплошной массой стоящих автомобилей. Иногда – раз в полчаса – одна из машин ныряла в зияющий зев ангара пропускного пункта, и тогда очередь подвигалась вперёд.

В очереди преобладали автобусы. Люди в автобусах высовывали головы из открытых окон, спасаясь от духоты. На жаргоне приграничной полосы эти люди назывались «челноками». Товары, которые должны были вывезти «челноки» с территории КНР, уже стояли, упакованные и погруженные в фуры, в городе Инин – по другую сторону границы. «Челноки», объединённые в туристские группы с помощью специальных фирм, занимающихся «челночным» бизнесом, имели право провезти беспощинно пятьдесят килограммов «товаров народного потребления» через казахстанско-китайскую границу. Из этих пятидесяти они получали пять, максимум десять кэгэ в свою собственность, всё же остальное забиралось для продажи организаторами «турпоездки».

Десятки тысяч таких «челноков» ежедневно пересекали границу Великого Китая через десятки пропускных пунктов России, Киргизии, Казахстана и Узбекистана. Бывшие колхозники, рабочие хлопковых фабрик, строители, научные сотрудники, госслужащие... Человеческий мусор, оставшийся на развалинах великой империи – Союза Советских Социалистических Республик.

Человек, сидевший у прохода в корейском автобусе «дэу» среди сорока двух «челноков», набранных в приграничном посёлке Алтын Кошт, прикрыл глаза. До сего дня его жизнь состояла из того, что он заносил на бумагу свои мысли и передавал их другим людям. Отныне же мысли должны уступить место поступкам. И самый незначительный из них будет сопоставим с величайшим подвигом. Сегодня нужно пересечь границу.

Человек закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Его паспорт, так же как и паспорта всей группы, лежал у главы турфирмы «Кара Ашин» Султана Нурахметова. Пограничник, скорее всего, даже не будет сличать лица с фотографиями, а просто пересчитает людей в автобусе по головам, как баранов.

Автобус тронулся. Впереди запричитала женщина на казахском диалекте тюркеш. «Интересно, – подумал человек, – почему эти люди так держатся за свои племенные самоназвания? Казахи, киргизы, уйгуры были всего лишь частями одного великого народа – тюрк-

ского эля. Вот и сейчас они зовут по имени родового союза одно из наречий величайшего языка мира».

Из окон несло смрадом выхлопов автомобильных двигателей. Неожиданно в руку человека ткнулось что-то жёсткое. «Пограничник, – обречённо подумал он. – Сейчас потребует выйти и дать объяснение офицеру. Тогда начнётся... Сколько раз мы прокручивали этот вариант? Немедленно позвонить Хузену. Требовать адвоката. Да, стало быть, адвоката для никчёмного „челнока“ на заплёванном пограничном переходе Алтын Кошт! То-то будет смеяться пограничный офицер – ему проще вывести меня из машины, выстрелить в затылок и утопить в выгребной яме, как, по слухам, это делают с пытающимися бежать преступниками. Или – передать китайцам... Но китайских законов я не нарушал, поэтому, так или иначе, это останется делом казахских властей. Нет, сразу меня не расстреляют – Верндль обещал, что будет наблюдать и фиксировать на плёнку весь „процесс перехода“». И, успокоенный мыслью о Верндле, человек решил открыть глаза.

Через проход ему протягивала сухую, костлявую руку маленькая пожилая казашка. В кулачке она сжимала катышек сухого горного сыра, пропитанного дымом, стелющимся над плоскими крышами кишлаков. Человек улыбнулся, и казашка улыбнулась в ответ. Он взял сыр и начал его есть, отламывая жёсткие, тягучие крошки.

В этот момент на подножку автобуса влез пограничник, окинул взглядом автобус, убедился, что все места в нём заняты, и махнул рукой, разрешая проезд.

На китайской стороне формальностей возникло чуть больше. Границу между Республикой Казахстан и КНР нельзя было не заметить. Узкая четырёхполосная асфальтовая дорога неожиданно переходила в восьмиполосное бетонное шоссе. Возле белой черты, означающей линию государственной границы, стояли двое часовых в чистенькой, с иголки, форме, механически отдающих честь каждому проезжающему автомобилю – будь то «мерседес» опiumsого торговца из Шымкента или разбитый автобус с полусотней сезонных рабочих.

На чисто выметенной площадке перед пропускным пунктом автобус остановился. Всем пассажирам велели выйти из него, Султан раздал паспорта, и «челноки» вытянулись в очередь перед металлическим турникетом, у которого пограничник ставил штампы в документы. Когда человек протянул паспорт, пограничник чуть взглянул на него и что-то буркнул. Человек не понял слов, но разобрал интонацию и отрицательно покачал головой. Нет, он не везёт в КНР наркотики, оружие и прочие запрещённые предметы. Запрещённым к ввозу в Поднебесную был только он сам. Он подумал о человеке, оставшемся в семидесяти километрах отсюда с казахской стороны границы. Тот отдал ему всё, что у него было, – и остался ни с чем. Но как бы то ни было, сегодняшняя цель достигнута – человек находился в Китайской Народной Республике, в той её части, которую тюрки Урумчи, Или и Кашгара продолжали называть Восточным Туркестаном.

Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика

Утро следующего дня принесло Султану Нурахметову изрядно неприятностей. Во время завтрака, накрытого для «группы туристов» «Кара Ашина» во дворе ветхой гостиницы Инина, он недосчитался одного человека. По документам тот значился Махмудом Ибрагимбековым. Махмуд никогда не претендовал ни на что, кроме миски плова в день и пяти килограммов беспошлинного груза с китайской территории. Загранпаспорт, выписанный на имя Ибрагимбекова, не покидал портфеля Нурахметова, за исключением того получаса, когда «челнок» проходил пограничный контроль на пункте перехода. Глава фирмы первым делом проверил и пересчитал документы – нет, паспорт Махмуд вчера вернул. Да и как бы ему удалось не вернуть, если Султан лично стоял за спиной китайского пограничника и бесцеремонно выхватывал документы из рук своих клиентов? Что мог делать в китайском городе Инин Махмуд Ибрагимбеков, что с паспортом, что без паспорта, Нурахметов догадывался – и потому пришёл в ярость.

Он немедленно обратился к старшинам всех околорыночных кварталов для того, чтобы их жители немедленно отыскиали в опиекурильнях задержавшегося на «седьмом небе» бывшего инженера Института хлопка, а ныне безработного и «челнока» богатой фирмы «Кара Ашин». Но к обеду стало ясно, что до объявленного отъезда группы Махмуда найти не удастся.

Нурахметов, скрепя сердце, был вынужден обратиться в полицию Китайской Народной Республики. Так как дело касалось не простого наркомана из приилийских кишлаков, а подданного какого-никакого, но независимого государства, руководителя группы принял капитан Лю Син, начальник районного отдела уголовного розыска. Внутренне капитан Лю кипел от негодования из-за необходимости тратить своё время на поимку одного раба-жулика, чтобы вернуть его другому рабу-жулику (он отлично знал, что Нурахметов является должником крупной шымкентской бандитской группировки, которая, в свою очередь, управляется Сын Пу Янем – рэкетиром из Урумчи). Ярость капитана Лю выразилась в том, что он задержал ещё трёх «челноков» из бригады Нурахметова, пригрозив лишить их паспортов, если они не расскажут, куда мог подеваться злосчастный Махмуд, бывший инженер, а ныне курильщик опиума, по-местному терьякеш. Вещи пропавшего находились в общей комнате и были в полном порядке. Но из задержанных «челноков» капитану Лю не удалось вытряхнуть самого главного – показаний о том, обладал ли потерявшийся личными денежными средствами или нет.

С деньгами у «челноков» случалось по-всякому. Кому-то иногда «скидывала» деньги вся семья, и он нежданно-негаданно начинал скупать на ининском базаре драгоценности из плохого китайского золота, надеясь переправить их в Казахстан через границу. О таких ловкачах немедленно докладывали Султану, и тот перед обратным переходом границы отбирал драгоценности у своих не в меру оборзевших помощников. Но в большинстве случаев денег у «челноков» не хватало даже на их кровные лимиты барахла.

Основная неприятность же, с точки зрения Лю, заключалась в том, что мусульманин мог попробовать остаться в Китае по каким-то своим, малопонятным мусульманским делам, и это потребовало бы внимания Комитета государственной безопасности Китайской Народной Республики. Конечно, без документов на территории Китая, где действует паспортный режим, нарушитель далеко не уйдёт. Но дело происходит в Синьцзяне, где тысячи мусульман способны спрятать единоверца только лишь по той причине, что он исповедует ислам. Поэтому капитан Лю дал Султану на поиски всего час, после чего пригрозил вышвырнуть

провинившуюся группу из Инина и сообщить данные каждого из её членов в Комитет государственной безопасности.

Нурахметов сам понимал серьезность ситуации. Задержаться на границе значило сорвать поставку товаров в Шымкент, и глава турфирмы снова и снова пытался натравить на розыск пропавшего Ибрагимбекова своих приятелей-уголовников с рынка. Но Ибрагимбеков не находился, и потому в 14.00 по общекитайскому времени (что соответствовало в Инине полудню) Султана вызвали в отделение полиции. Туда к тому времени уже подъехал начальник отдела по борьбе с незаконными мигрантами местного отделения Комитета государственной безопасности товарищ У Ян.

Но участие КГБ несколько не продвинуло поиски. И только вечером, когда перед Нурахметовым уже маячил призрак многотысячного долларового долга и в его воображении к горлу подступили тени башкосеков его шефа Жадагайбая, собаки вытащили из сточной канавы на окраине города объединенную человеческую руку, один из пальцев которой был украшен перстнем «цыганского золота». Перстень был опознан соседними по автобусу «челноками», и Султан едва не обнаглел настолько, что попытался вчинить иск за гибель своего «кадра» самому китайскому правительству. Тут товарищ У Ян принёс извинения от имени оногo правительства в такой звериной форме, что Султан вместе со своим автобусом с группой, а также двумя фурами товара пересёк границу в обратном направлении на второй космической скорости.

А Махмуда Ибрагимбекова объявили погибшим в китайском городе Инин во время организованной туристической поездки с целью приобретения товаров народного потребления. Искать его убийц никто ни в Китае, ни в Казахстане всерьёз не собирался.

Шымкент. Суверенная Республика Казахстан

Три месяца спустя старенький японский экскаватор Kato копал котлован для особняка рыночного торговца Добалбая в пригороде Шымкента. Грунт шёл легко, но в какой-то момент ковш зацепил нечто, принятое сперва экскаваторщиком Мамедом за корни карагача, к которым прилип кусок синего стёганого халата. Затем Мамед охнул и схватился за горло.

То, что он принял за корни, оказалось руками полусгнившего человеческого тела. Мамед скосил глаза на сторону – в ковш экскаватора с таким же тупым недоумением всматривался водитель самосвала, отвозившего грунт на дамбу. Уже не представлялось возможным препятать тело и таким образом избежать многодневных тасканий по полицейским отделениям, как поступил бы Мамед, случись ему откопать труп в одиночку. Он уже поступил так один раз, когда, прокапывая арык в Кокпеке, извлёк из грунта мумифицированное тело мёртвого наркомана. Но тогда за ним никто не наблюдал, в то время как сегодня в грузовике сидел его родной зятёк, только и ждущий повода донести на Мамеда в отделение полиции, чтобы засадить тестя в тюрьму и занять его дом. «Ну уж тебе хвост ишака», – решил Мамед и, заглушив двигатель, заорал из открытой кабины:

– Чего уставился? Дуй в полицию – видишь, майыт выкопали!

Капитан Султанов с омерзением уставился на останки несчастного бедняка, поднятого со дна ямы Мамедом Ниязовым. «И зачем сообщил, сын свиньи и собаки!» – думал капитан Султанов, глядя на руки, некогда принадлежавшие человеку. Закопал бы чуть глубже, фундамент на него встал бы и никого бы не надо было тревожить. А сейчас замолчать дело не удастся, вон шары на него выкатили Мамед Ниязов и зятёк его Курбан Алтынбеков. «Ждут, ждут, змеи, неверного моего шага, а чуть оступлюсь – тут же донесут майору Шамиеву о случае сокрытия насильственной смерти на вверенном мне участке», – думал Султанов. «Хвост ишака вам», – решил капитан и заорал Ниязову:

– Чего уставился? Утром придёшь со своим зятем в отделение, расскажете мне, кого здесь убили и зачем! Не вздумайте бежать – из-под земли выкопаю! Как вы – того мертвяка!

Мамед Ниязов охнул и схватился за сердце, а Курбан с ненавистью посмотрел на тестя – и угораздило же старого хрыча на труп наткнуться! Не мог его незаметно куда-нибудь поглубже засунуть – дому Добалбая самое место на костях!

Неделю капитан Султанов добивался признания от Ниязова и ещё пяти стариков, которые рылись в отбросах на окраинах Шымкента. Добился он только одного: в полуистлевших останках Алик Байрамов опознал местного терьякеша Махмуда Ибрагимбекова. За его убийство Султанов отдал под суд Курбана Алтынбекова – как молодого и самого противного в семье, тем более что его тесть сам постоянно твердил, что, мол, Курбану человека убить – что муху шлёпнуть. И только во время заседания суда выяснилось удивительное обстоятельство: не так давно Ибрагимбекова уже нашли мёртвым на китайской стороне, а теперь он ухитрился сдохнуть ещё и здесь – в суверенной Республике Казахстан. «У-у-у, шайтан», – подумал капитан Султанов и запер Мамеда Ниязова за компанию с его зятем Курбаном – за дачу заведомо ложных показаний и чтобы зятюку скучно не было. Авось поубивают друг друга в камере, ишачье отродье!

Этот странный случай «двойной смерти» отметил не только капитан Султанов из криминальной полиции суверенного Казахстана. Так как этот эпизод обрёл бумажный след в протоколах, рапортах и донесениях, его автоматически зарегистрировали компьютеры нескольких монстров – спецслужб крупнейших стран мира. Ещё ничего не произошло,

но монстры вздрогнули, насторожились, вытянули глаза на стебельках, чуть-чуть размяли суставы и немножко пристальнее, чем обычно, уставились на границу нескольких азиатских стран с Китайской Народной Республикой – туда, где, по мнению некоторых, должна находиться независимая мусульманская республика Восточный Туркестан.

* * *

Как это часто бывает, спецслужбы опоздали. Более трёх месяцев назад некий человек сел на приготовленного заранее мерина, вдохнул всей грудью пыльный воздух пустыни Гурбантюгют и смахнул с лица тончайшие паутинки песчаных струек. Теперь он был одет не в драный синий ватный халат «челнока», а в поношенный чапан чабана. Приготовивший всё это уйгур подобострастно глядел на человека. Он был бы рад чести сопровождать человека к месту назначения, но человек отклонил это предложение. «Одна песчинка теряется на бархане, а две – образуют целый бархан», – процитировал он Низами. Он дал шенкелей своей лошади – так, как привык это делать на конных проездках в Оксфорде – и поскакал навстречу поднимающимся из песка бурым массивным горам несуществующего государства Восточный Туркестан.

Воссоздание этой уничтоженной в 1949 году силами СССР и Китая страны и было настоящей целью проникшего в эти места человека.

Но у человека была ещё одна цель.

Горы, поднимавшиеся впереди, образовывали на Евразийском континенте узел, являющийся географическим и магическим Центром Мира – того, каким его знали древние тюрки, жившие здесь всегда – даже до прихода пророка Мухаммеда и до того времени, когда Иблис создал Америку и населил её неверными. Испокон веков богословы всех религий знали, что линии, проведённые со всех берегов континента, сходятся в горах Тянь-Шаня и что эти горы являются сердцем Земли и средоточием невероятной по могуществу Силы.

Силы, которая в незапамятные времена оказалась сокрытой в этих горах.

Если привлечь к своему Делу эту Силу, то она, безусловно, поможет правоверным восстановить свою страну.

А то и совершить куда более великие дела.

Если на то будет воля Аллаха, Всемилостивого и Милосердного...

Часть I. Размышления и умозаключения

Алекс Зим, в прошлом – Александр Зимгаевский

Алекс вышел из студенческой столовой уже ввечеру. Сунул руку в рюкзак, достал две пачки патронов – двести штук по идее на вечер должно было хватить. И направился в сторону университетского спорткомплекса.

Огромный гимнастический комплекс, попросту «джим» (gim) кампуса Ассинибойн-Сити, выглядел как заводской корпус средних размеров. На лицевой стороне испускали жёлтый неоновый свет два гигантских аквариума с шевелящимися в них людьми: баскетбольный зал и хоккейная площадка. Между ними располагался главный вход в гимнастический ангар, более похожий на ярмарочные ворота, украшенные огромной дугой с лозунгами, которые редко кто удосуживался прочесть. Вот и сейчас Алекс прошёл сквозь маленькую одностворчатую дверь в торце здания и оказался в длинном полутёмном коридоре, дальний конец которого сочился неярким рассеянным светом.

Пахло порохом.

– Привет! Сегодня ты первый, Алекс, – хмыкнул супервайзер Скотт, молоденький парнишка с грубыми, тяжёлыми чертами лица, большеголовый и рыжий, как Сэм Гэнджи в экранизации Питера Джексона. Он оторвался от книжки о «Стар Треке» и протянул Зиму ключи от его личного шкафчика. Скотт был канадцем, потомком шотландских переселенцев из Саскачевана, в университете изучал информатику.

– Ну, полиция позже подгрёбёт. А китайца не было? – поинтересовался Алекс.

– Сумасшедшего китайца? Нет, не сегодня! Только не в моё дежурство!

Алекс хмыкнул. Супервайзер, иначе – наблюдатель в университетском тире, выбирался из студентов, увлекавшихся стрельбой. Обычно их было двое и дежурили они через день.

– Мы сегодня договорились встретиться, – отвечал Зим, доставая из жестяной ячейки Hi Standard с оранжевой наклейкой на рукоятке. На наклейке несмываемым маркером был нанесён личный номер Зима как постоянного посетителя стрельбища. Свой Hi Standard Зим выбрал из пятидесяти трёх пистолетов, приобретённых Университетом Ассинибойн-Сити специально для своего тира. В принципе, можно было разориться на сто пятьдесят баксов и приобрести свой собственный пистолет для спортивной стрельбы – Алекс к тому времени пробыл в Штатах два года, – но он помнил о той кругленькой сумме, что каждый семестр отчисляет за пользование «джимом», и поэтому постарался использовать предоставляемые возможности на все двести процентов. Тем более что аборигены американской провинции практически поголовно являлись на рубеж с личным оружием и пресловутые пятьдесят три Hi Standard и Ruger мирно пылились в шкафах.

– Китаец, русский и полиция... – продолжал рассуждать Скотт. – Сегодня мне положена прибавка за уборку мусора.

В обязанности Скотта входила уборка стреляных гильз с рубежа.

– Попроси китайца, – хмыкнул Зим, – он выстреливает в одиночку столько же патронов, сколько весь полицейский взвод кампуса.

– Да, китаец. О, сумасшедший китаец! В его стране стрельба запрещена, вот он и отрывается у нас, в свободных Североамериканских Штатах! В сво-о-о-бо-о-о-дных Североамериканских Штатах, – пропел Скотти, надевая наушники.

Зим уже стоял на рубеже. Ему было около сорока – чуть больше или чуть меньше. Он достиг возраста, когда мужчина, постоянно занимающийся физическими упражнениями, как бы замирает в своём развитии и старится лишь по достижении очень преклонного воз-

раста, зато почти мгновенно. Круглоголовый крепыш среднего роста, с узкими бёдрами и покатыми плечами, длинными, узловатыми как плети руками, он бы ничем не выделялся среди сверстников, если бы не глаза – чёрные и пустые, как у пресмыкающихся. Зим знал, что его взгляд способен испугать Медузу, и потому редко смотрел в глаза собеседникам. Он несколько раз проверил спуск, затем навёл пистолет на мишень и ещё раз щёлкнул «впустую». После чего принялся набивать магазин патронами. Затем держатель мишени послушно скользнул по тросику к рубежу. Зим прикрепил на него белый лист с концентрическими кругами, и цель послушно вернулась на своё место – в пятидесяти футах от стрелка.

Зим встал вполоборота к мишени, заложил левую руку за спину, вытянул вперёд пистолет. Мушка нащупала лист мишени и плавно поползла вниз, проходя верхним срезом через центр круга. Пистолет хлопнул, по полу покатился блестящий цилиндрок стреляной гильзы.

– Если б полицейские с китайцем так стреляли, я бы прибавки за уборку не просил, – бросил Скотт. Со стороны он был похож на круглоголового проказника-переростка, чему особенно способствовали веснушки, рыжие непослушные волосы и курносый нос.

Тир потихоньку оживал. На соседний номер встал Рон Кемпбелл, один из четверых приписанных к университетскому городку полицейских. Зим снова начал сосредоточено вставлять в магазин патроны.

– Это русская манера – вставлять в магазин по три патрона? – усмехнулся Рон, заранее зная ответ.

– Это – рациональная манера, – в тон ему отвечал Зим. – Для людей, с первого выстрела попадающих в цель.

В ответ Рон выпустил полный магазин своего кольта за четыре секунды, так что одиннадцать выстрелов прозвучали, как автоматная очередь.

– А теперь сверим мишени, – хмыкнул Зим, выпустив одну за другой три пули за шесть секунд.

Они одновременно вызвали мишени на рубеж. Шесть попаданий Зима остались в пределах круга, обозначенного цифрой шесть. Но и Рон не выпустил ни одного попадания за пределы «тройки». В пределах «пятерки» Зим положил пять пробоин, Кемпбелл – четыре.

– Зато я выпустил вдвое больше пуль за то же время, – сказал Рональд, посмеиваясь, – и плохой парень получил их все.

– Я не знаю, какими были по счёту те, что его остановили, – всё в той же манере продолжал Зим. Он прикрепил свежий лист к держателю, отправил мишень к стене, вскинул пистолет и, прицелившись чуть дальше обычного, выстрелил. Затем вернул мишень на огневую позицию.

– А вот этот плохой парень получил всё сразу.

Пробоина легла в «десятку».

– Аргументированно, – вздохнул из-за спины подошедший Скотти.

Рон сосредоточенно вlepил весь магазин в уползающий на тросике лист бумаги.

– Три секунды, – удовлетворённо произнёс он. – Если бы это был 0.45 АСР, туда улетело бы треть фунта свинца с оболочками...

– А если бы здесь был не только 0.45 АСР, но и мистер Чен, то туда улетел бы и весь фунт, – уныло сказал супервайзер.

– Мистер Чен, мистер Чен, – раздался от входа весёлый голос. – Кто здесь вспоминал мистер Чен?

– А вот и он сам, – ещё более обречённо прогнусил Скотти.

Чен, невысокий, круглоголовый, паукообразный китаец, будто бы состоящий из одних конечностей, передевался прямо на задних скамейках зрительных рядов тира. Зим так до конца и не мог понять, зачем позади рубежа построена небольшая трибуна – даже во время университетских соревнований на ней не сидело больше пятнадцати зрителей. Всё осталь-

ное время трибуна использовалась в качестве импровизированной раздевалки. Чен сбросил с себя свитер и джинсы, в которых ходил слушать лекции, и облачился в хрустящий новенький найковский костюм с утяжелёнными брюками. На рубеж он вышел с массивной джинсовой сумкой, которую поставил под ноги.

– Патроны? – ткнул пальцем в сумку Рон.

– Патроны! – жизнерадостно подтвердил Чен. Скотти в деланном ужасе закатил глаза.

– Сегодня я подмету за вами гильзы, так и быть, – фыркнул он. – Но контейнер с латуной ты вынесешь вместо меня...

– Какой ты зануда, Скотт, – улыбнулся Рон. – Наверное, твои предки были шотландскими пресвитерианами. Чен пришёл со своей обычной вечерней порцией – четыреста патронов. Зато у тебя в тире есть русский, который стреляет по патрону за десять минут.

– По три, – ответил Зим и сделал серию из трёх выстрелов.

– По три! По три! – подхватили Рон с Бадом, пришедшим чуть позже вторым копом Ассинобойн-Сити. – По выстрелу в полторы секунды! Это новый русский рекорд, правда?

– Бадди, покажем русскому, как стрелять сериями «по три»? Зим, ты играешь с нами?

– Отстаньте, оболтусы, – улыбнулся Зим, – я знаю, что вы собираетесь делать. У меня нет кобуры.

– Ах, у него нет кобуры, Рональд! У чёртова русского нет денег на кобуру! – заголосил Бад.

– У чёртова русского нет денег даже на пистолет, Бадди! Он стреляет из чёртова университетского пистолета! – подхватил Рон.

– Так, сойки, – хмыкнул Зим, – и что же вы хотите мне предложить?

– Предложить? Мы хотим тебе предложить поучаствовать в нашем ежеквартальном тесте для полицейских. Тесте на скорость: три выстрела за полторы секунды, исходное положение – пистолет в кобуре.

– Но у меня нет кобуры!

– Плевать! Мы даём тебе форы, не так ли, Бад? Ты кладёшь пистолет на стойку рядом со зрительной трубой. Мы прячем наши пушки в кобуры. Скотти включает таймер, фиксирующий время попадания пуль в мишени, даёт сигнал, и мы выхватываем пушки из чехлов, а ты хватаешь его со стойки! Но учти, что на стойке ему не за что зацепиться и не в чем застрять, так что это – фора, ты понял, Зим?

Зим сосредоточенно зарядил магазин и положил пистолет на стойку. Оба полицейских сдвинули кобуры своих кольтов чуть вперёд и застыли в расслабленной позе ковбоев перед поединком.

– Старт! – заорал сзади Скотт истошным голосом футбольного болельщика.

Три пистолета почти одновременно выплюнули свинец. Девять выстрелов прозвучало в закрытом помещении как один.

– Итак, – Скотти подводил результаты деловито и без намёка на рисовку, – как и ожидалось, Зим начал позднее и позднее закончил. Тем не менее он уложился в три секунды – это «В» по нормативам полицейского училища... если бы он выхватил пистолет из кобуры и снял его с предохранителя или с полувзвода. В нашем случае этого не было, поэтому мы можем только гадать, как отстреляется он в реальности. По скорости небольшой выигрыш имеет Бад – результат на табло показывает, что его первая пуля пришла в мишень на 0,25 секунды раньше, чем пуля Рона. Да и последняя попала на 0,17 секунды быстрее, чем у остальных.

Все сосредоточенно слушали разбор полётов, почти не сомневаясь в итоге.

– Ну и по результатам попаданий, – все сосредоточенно смотрели на Зима, – на первом месте – русский. У него 28 очков, у Бада и Рональда – по 22.

– Ты последний, Рональд, ты понял? – заорал Бад. – Я быстрее, а русский – самый меткий! Сегодня ты ставишь нам пиво в «Красном олене»!

– А сейчас мы смотрим выступление китайской команды на полигоне Ассини-бойн-Сити! – голосом теледиктора провозгласил Скотт. – Выступает Чен Янг! Его цель – поставить рекорд по количеству выпущенных пуль за единицу времени с минимальным числом попаданий!

Паб Red Elk. Ассинбойн-Сити

– Итак, пиво сегодня нам ставит Рональд, – хмыкнул Зим. – Ну и, конечно, Чен – как представитель коммунистической державы!

– Здесь кто-то сам представитель коммунистической державы, – засмеялся Чен. – Причём, судя по происходящему, ваша держава, в отличие от моей, становится всё более и более коммунистической!

На сегодняшний день державой Зима был архипелаг Туамоту, но он старался не афишировать этого за пределами официальных инстанций.

– Стало быть, каждый платит за себя, – быстро вклинился Рон, – тем более, вкусы у всех нас – разные. Русский и китаец будут водку!

– Ну да. А кто нас потом, бедненьких, потащит по общежитиям?

Паб Red Elk был типичным заведением Северо-Запада: сложенные из огромных брёвен стены, изрезанные именами посетителей, развешанные над стойкой винчестеры и кирпичи, массивные столы и скамейки, а также два раздолбанных бильярдных стола.

– Нет, водки сегодня не будет, – к входящей в паб компании повернулась высокая, худая, со стрижкой в «каре» рыжеволосая девица. Её пронзительные зелёные глаза занимали едва ли не треть лица, как у инопланетян в интерпретации «Секретных материалов». – Тотализатор отменяется. Зим, Чен, когда вы пьёте, они ставят на вас деньги.

– О нет, – закатил глаза Бадди. – Тара! Ну что это такое? Достаточно четырём мужчинам собраться вместе, как появляется женщина для того, чтобы их разлучить!

– Пока Алекс не уехал, здесь за него отвечаю я, – рыжеволосая девушка по имени Тара решительно сжала большой рот и попыталась сделать свирепое выражение лица. И ей почти удалось.

– Кстати, Зим, ты разослал свои резюме? Почему бы тебе не остаться здесь, в Ассинбойн-Сити?

– Вам недостаточно русских профессоров в здешнем университете? – рассмеялся Зим.

– Что такое американский университет Среднего Запада? Это место, где русские профессора учат китайских студентов на деньги американских налогоплательщиков! – прокричал Чен.

– Мы не работаем в Университете, – почти хором сказали Рон с Бадди. – И мы бы тебя вытерпели.

– Мир очень велик, парни, и я не видел ещё десятой его части, – улыбнулся Зим.

– Он врёт, – решительно сказала Тара.

– На самом деле, – произнёс Зим, два года он учился и жил с мыслями о неизбежном отъезде, – здесь хорошо доживать старость: купить себе хижину на склоне Индейского хребта, убивать трёх-четырёх оленей в сезон и умереть, сидя на корнях сосны, любуясь на то, как солнце заходит за вершины Блю-Ридж.

Они выпили по бокалу пива.

– На самом деле, – Бад снова обратился к Зиме, – что с твоими резюме?

– Я же решил возвратиться к журналистике, – как ему казалось, в десятый раз повторил Алекс. – Очевидно, что в большое агентство меня не возьмут: возраст. Так же понятно, что вряд ли меня возьмут и для того, чтобы оставить в Штатах. Моё место – корпункт где-нибудь в Белизе, Гвиане или Таджикистане.

– Ты недостаточно хорошо стреляешь для того, чтобы работать журналистом во всех этих местах, – решительно заявил Рон.

– Но я уезжаю не завтра, – парировал Зим. – У меня будет шанс подучиться... На самом деле, есть такое новое агентство – International Executive News. Оно по всему миру наби-

рает таких тёмных лошадок, как я. Руководители надеются, что кто-то из этих «лошадок» окажется тем самым Питером Аркеттом. Я не стану больше обсуждать будущую работу – в конце концов, как настоящий русский, я суеверен.

– Ив этом он похож на ирландца, – сказала Тара, обнимая его с нежной улыбкой.

– Я на четверть поляк, и на четверть – немец, – Зим повернулся к своей девушке и поцеловал её в губы. – Этого коктейля хватит на шестерых ирландцев. А что будет делать по окончании учёбы товарищ Чен?

– Как – что? – рассмеялся китаец. – Конечно, устанавливать китайскую гегемонию на всей поверхности Земли!

– И для этого он высаживает в бумагу двести патронов каждый день! – завопил Рон.

– Нет, стреляю я для собственного удовольствия. У нас, в Большом Китае, оружие фактически запрещено. Так можно хоть здесь оторваться. Моя специальность – сетевой администратор. То есть парень с компьютером. Это они, а не парни с пистолетами, обеспечивают сегодня мировое господство.

– По-моему, вам рано списывать пистолеты со счёта, – криво ухмыльнулся Зим, и внимательная Тара сразу это заметила.

– По-моему, тебе уже хватит на сегодня, Алекс.

Она взяла его под руку и повела к стоянке автомобилей.

Полковник Шергин. Москва

Предварительный звонок водителю Марк Соломонович Шергин сделал как обычно – без пятнадцати десять.

– Я у подъезда, Марк Соломонович, – услышал он голос Хасановского. – Генерал-полковник звонил, просит подъехать.

Полковнику Шергину перестали говорить «приказываю» в 1998 году – и не только в связи с обязательным увольнением со службы по возрасту. Избегать этого слова руководители начали уже лет пятнадцать назад. Было это несколько нетипично даже для Службы времён перестройки, но, по большому счёту, всё, что касалось Шергина, было нетипичным.

Хасановский подогнал автомобиль прямо к подъезду, предварительно распахнув дверь, чтобы прикрыть садящегося в машину человека. По сути, в сегодняшние окаянные дни в этой предосторожности не было никакой необходимости, но Шергин ценил в этом жесте школу, а не целесообразность. Это напоминало ему старую Службу, с вышколенными водителями и телохранителями-профессионалами. Оценил он и то, что генерал-полковник отдал распоряжение через водителя. С самых первых дней работы в органах Шергин привык к тому, что всё, что передаётся по проводам или радио, так или иначе может стать достоянием третьих лиц. Так что наиболее безопасным средством для него продолжала оставаться личная почта, которая доставлялась нарочным. Правда, учитывая, что перед приглашением в штаб-квартиру ему не предложили подготовить аналитический обзор по какому-либо вопросу, причиной приглашения мог быть или некий форс-мажор, или какое-нибудь только что открывшееся направление. В этом месте своих размышлений Шергин хмыкнул: количество новых направлений было ничтожно мало, и удивить чем-либо Шергина за пятьдесят с лишним лет Службы было нереально.

Всеведение Шергина также было частью его легенды, которая постепенно складывается вокруг всякого старшего офицера Службы, ухитрившегося без провалов провести в её стенах более тридцати лет. Недоброжелатели шутили (но всегда с дружелюбной улыбкой), что вызовы Шергина к руководству заменяют последнему визиты к астрологу.

Внешне Шергин на астролога совершенно не походил. Среднего роста, худой, с голубыми, немного навывкате глазами и большим острым носом, который все без исключения за глаза называли «рубильником», он напоминал седоголового дятла. Сходства с этой птицей добавляла и манера одеваться в светлые, но строгие цвета. В свои семьдесят с лишним лет он продолжал двигаться по коридорам быстрым плавным шагом диверсанта, каким и был в самый разгар «холодной войны» – пятьдесят лет тому назад.

Вот и теперь, проезжая в маленьком BMW по узким улочкам между какими-то складами к зданию штаб-квартиры Службы, Шергин мог предполагать цель своего вызова.

Он уверенно прошёл через несколько кабинетов с метало-детекторами и адъютантами (и те и другие скорее выполняли роль декораций, нежели имели какое-то реальное значение – ну не может российский генерал существовать без толпы олухов и технических средств защиты, положено – получайте!) и уселся в кресло как раз напротив огромного портрета нынешнего Президента. Рядом висел и другой портрет – поменьше – на нём был изображён никому не известный генерал-полковник, де-факто сделавший для страны гораздо больше её нынешнего лидера, а ни много ни мало – предотвративший полномасштабный конфликт с использованием ядерного оружия.

Другой генерал-полковник, ещё не успевший столько совершить, присутствовал в кабинете лично. Именно к нему Шергин и обращался.

– Значит, Китай?

– Да, западные провинции.

Западные провинции Китая представляли из себя не ахиллесову пятау этого азиатского гиганта, а, как шутили остряки Службы, «ахиллесову задницу». Населённые национальными меньшинствами, они представляли собой автономии, в которых то и дело возникали сепаратистские движения, наподобие тех, которые совсем недавно раскололи «единый могучий Советский Союз».

– Собственно говоря, речь идёт об угле «пяти границ».

Шергин согласно кивнул головой. Место, где близко сходились границы Китая, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и России, наряду с Кавказским регионом было самым беспокойным районом бывшего Советского Союза.

– Так что на «Пяти границах»? Тибетские сепаратисты захватили пусковую шахту ракеты «Великая Стена» и угрожают апокалипсисом? Или уйгуры штурмуют Лобнорский полигон для того, чтобы захватить миллионы квадратных километров радиоактивного песка и рассыпать его по всему Среднему царству?

– Ну, если бы оно так и было, то «Синьхуа» в любом случае преподнесло бы эти события как массовые проявления солидарности трудящихся с политикой КПК. А Народно-освободительная армия Китая – НОАК – одновременно с фанфарами «Синьхуа» растёрла бы этих трудящихся в мелкую пыль, годящуюся лишь на удобрение сельскохозяйственных угодий других трудящихся.

Шергин хмыкнул. Действительно, Китай, несмотря на любые реформы, оставался одной из самых закрытых стран на планете. И при этом стремительно становился самой могущественной страной.

– Как всегда, мелочи.

– Как всегда, мелочи, – согласился Шергин. – Из Китая ничего, кроме мелочей.

Оба они знали, что именно мелочи образуют совокупную картину. Любое широкое полотно без деталей предстаёт просто бесформенным пятном, на котором политики и абстракционисты могут нарисовать любую воображаемую структуру. «Если мы об *этом* ничего не знаем, то ещё не факт, что *этого* у них нет» – вот любимая формула политиков в общении с разведчиками. И, по большому счёту, они не так-то уж и неправы.

– И какие мелочи из Китая на этот раз?

– Марк Соломонович, давайте так. Мы неоднократно поступали подобным образом, сделаем и сейчас. Проговорите пожалуйста *вслух* те резоны, по которым мы до сих пор всегда отмечали сведения о террористической деятельности в КНР.

– Ну да. Когда говоришь *вслух*, многие вещи становятся более очевидными, *проявляются*, что ли. Как лингвистические повторы в предложениях. На бумаге их, считай, и не видно, а произнесённые – вот они... Извольте.

Дело в том, что КНР сегодня, наверное, единственная значимая страна в мире, которая может на государственном уровне допустить мысль о геноциде населения, поддерживающего терроризм. Поэтому такие масштабные акты террора, как на Филиппинах, Бали, у нас в Москве или на Северном Кавказе, в Китае не только невозможны. Они даже вредны. Ничто так не вредит имиджу борьбы, как то, что собственное население сдаёт «борцов» пачками службе безопасности, принадлежащей к тому же другой нации. Ну и учтите традиционное презрение китайцев к жизни, как к чужой, так, пожалуй, и к собственной. Резидент НКВД в Китае, некто Вагау, известный теперь больше под псевдонимом «Пильняк», сам слышал от китайских чиновников: «Наши люди много, наши люди не жалеют».

– А как же тогда все сведения об уйгурском и мусульманском сепаратизме Синьцзяна и о будущем государстве Восточный Туркестан? – поинтересовался собеседник Шергина.

– Ну, большую часть этой информации поставляют западные СМИ. Они же её и продуцируют. К тому же я не сказал, что в Синьцзяне в принципе не водятся националисты. Просто синьцзянские националисты находятся в одинаковом положении с якутскими национа-

листами в СССР при том же Леониде Ильиче. Представляете, вылез бы при Брежневе какой-нибудь якутский националист с лозунгом: «Свободу народу Якутии»? Так его пристукнул бы первый встречный даже не милиционер, а просто народный дружинник. Молотком бы убил или ножкой от стула – тоже мне, сепаратист, тля из дырки... В Китае сейчас к сепаратистам именно такое отношение. А вот прятаться, переждать какое-то время и даже тренироваться боевики могут. Более того, если их деятельность направлена против другого государства – в частности, против нас, – китайские власти могут даже закрывать глаза на активность террористических группировок. Потому что сами у себя они в любой момент могут эту шуштуру пришлѣпнуть, как муху. Скорее всего, сепаратизм в Синьцзяне управляется специально назначенными людьми из Пекина. «А народным вождѣм синьцзянского сепаратизма у нас будет товарищ Мухтарбек Мукри. Не провалите, товарищ Мухтарбек порученное вам ЦК КПК мероприятие...»

– Что ж, излагаете вы всё вполне логично, – произнёс генерал-полковник. – А теперь, пожалуйста, ознакомьтесь. – Он протянул Шергину тоненькую папку, каждый лист которой был разделѣн пополам и текст отпечатан на двух языках – китайском и русском. – Я прошу показать эти тексты вашим психологам-аналитикам – да-да, не кривитесь, вы согласились на их появление в отделе только под нашим давлением...

– И продолжаю считать это проявлением «социальной ответственности», как выражается Президент, то есть милостыней, которую наша Служба оказывает убогим...

– Ну, пришло время им отработать эту милостыню. Нам необходимо срочно узнать, не являются ли представленные документы дезинформацией. Ну, как обычно... Если да, то с какой целью запущенной, если нет, тоже – с какой целью... Мы всегда принимали *вашу* точку зрения, Марк Соломонович. Китай – закрытая страна, все процессы находятся под контролем Компартии и Политуправления, если там что и происходит, то только с величайшего соизволения ЦК КПК. Представленные вам документы говорят о том, что эта ситуация сейчас корректируется. Причѣм корректируется извне. Здесь – жалоба нашего гражданина Алексея Зильберминца, туриста, путешествовавшего по Западному Китаю в составе небольшой группы. В городе Инин его задержала доблестная китайская полиция, тщательно проверила документы, запросила консульство... В свою очередь, гражданин Зильберминц устроил бучу... ну, не устроил, а попытался устроить – в Китае с бучами плохо... Но в процессе этой бучи его товарищи, московские туристы из клуба «Альплагерь», несколько раз общим планом ухитрились сфотографировать внутренности участка и часть этих снимков сберегли. Так вот, на снимках чѣтко видны портреты нескольких разыскиваемых в провинции Синьцзян, и, должен сказать в оправдание китайской полиции, как минимум трое из этих разыскиваемых имеют некоторое сходство с уважаемым гражданином Зильберминцем. Более того, на портретах написано, что эти люди могут разговаривать на русском и ещё на одном языке.

– Ну да. Те бородатые рожи, которые мы регулярно видим в новостях с Северного Кавказа по телевизору, тоже могут быть приклеены к паре знакомых моего внука. А как эта информация оказалась у нас? Ведь российскими гражданами за рубежом занимаются, по идее, Братья?

– Мы все когда-то были Братьями, не так ли, Марк Соломонович? Пока Ельцин не решил разделить Контору на пять разных агентств и создал при этом Службу.

– Ну, не все и не всегда, – Шергин склонил набок свою седую костистую голову и покачал ею по-птичьи.

– Ладно, Марк Соломонович, все в этом здании помнят, что вы пришли в КГБ из ГРУ... На усиление, так сказать... Никто лучше диверсанта не может ловить диверсантов. Но тем не менее... И так, у Зильберминца когда-то, ещё в советские времена, были контакты с орга-

нами. Ну, постукивал на коллег по Институту, так, для собственной безопасности скорее... Но телефончики у него сохранились...

– С тех времён? – удивлённо поднял брови Шергин.

– Нет, не с тех. Просто он случайно знал, в каком ЧОПе работает его бывший куратор по Институту. С ним он и связался. То ли хотел добиться засылки в Китай спецназа для отмщения чести и достоинства расейского гражданина, то ли стребовать с китайцев денежную компенсацию за моральный ущерб через МИД – хрен его знает. Но куратору Зильберминц сказал одно, а вот *услышал* тот совсем другое. А тут надо же такому случиться – отношения со Службой у куратора были значительно лучше, нежели с Братьями.

– Бывает, – хмыкнул Шергин.

– Судя по всему, – продолжал генерал, – пресловутому куратору Зильберминца за какие-то то ли ошибки, то ли грехи пути к Братьям были заказаны. Понятно было и то, что сведения, добытые Службой, разрабатывать станет она сама, вне зависимости от того, входит это в её компетенцию или нет. Не входит – ерунда, у нас не Америка, с их чётким разделением FBI и CIA, тут умные люди при разделе КГБ постарались – в протоколах о разделении полномочий сломит ногу не только чёрт, но и даже сам Березовский.

– «Вооружены, и могут провоцировать беспорядки. Держатся безлюдных мест. При встрече не вступать в контакт, а немедленно доложить ближайшему представителю административной, политической или военной власти», – вслух прочёл Шергин. – Ни одного имени, и портреты сделаны по словесным описаниям.

– Да, это так. Рискну предположить, что это вайнахи – чеченцы или ингуши.

– М-да. Хотя на этих снимках они больше напоминают кастровских барбудос. Действительно, новый поворот, ничего не скажешь. Хорошо, я попрошу подготовить аналитический обзор по современной ситуации в Сынцзяне. Что означают все эти сведения, признаться, не понимаю, да и не хочу понимать, пока не буду владеть всей доступной информацией по региону.

– Хорошо, Марк Соломонович. Можете идти.

Город Кюнес. Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика

Город Кюнес расположен в маленьком оазисе посреди пустыни. Собственно, именно такие крохотные обводнённые клочки земли дали приют остаткам некогда великого уйгурского народа после разгрома, учинённого им киргизами. Тысячу лет назад уйгуры ушли от кочевого образа жизни – стихии богатырей и героев – и связали свою судьбу с оросительным земледелием, что в конце концов обеспечило стабильность их существования.

Город представляет собой уютненькую россыпь традиционных для уйгурской архитектуры плоских глинобитных домов, утонувших в виноградниках и фруктовых садах. Только в самом его центре высятся четыре двухэтажных здания, в одном из которых размещается поселковая администрация, а в другом – отделение народной полиции.

Сейчас, ранней весной, фруктовые сады и виноградники выглядели совершенно не празднично, а скорее наоборот. Белые дувалы казались опутанными неряшливой, словно свалывшейся, «верблюжьей шерстью» ветвей и древесных стволов. Кюнес существовал на свете как минимум тысячу лет, и его жители за это время построили совершеннейшую оросительную систему, в которой едва ли не каждая капля сочившейся по песку воды в конечном итоге попадала на корни растений. Поселение представляло собой продуманный до мелочей единый организм, выросший в полупустыне усилиями десятков поколений земледельцев.

Ранним вечером со стороны предгорий Тянь-Шаньского хребта к городу приближалась отара. В этом не было ничего удивительного – многие жители держали овец и коз, и время от времени животных пригоняли на окраины с тем, чтобы хозяева могли определить размер приплода, а также отобрать скот для забоя. Несколько необычным было лишь то, что отару сопровождали три человека вместо одного. Но небольшое стадо держалось на отшибе от Кюнеса, и потому такая мелочь ни у кого не вызвала удивления.

Позже, когда сумерки уже сгустились, два человека из троих сопровождающих отару почти неслышно подошли к дому ахуна Тохти Тунъяза. Собственно, выражение «почти неслышно» относилось только к одному из – невероятно высокому и худому как жердь человеку. В любом месте Азии, за исключением горных районов Афганистана и некоторых областей Саудовской Аравии, он выглядел бы неестественно высоким, а в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая мог казаться настоящим великаном.

Мог, но не казался.

Первая причина, почему ему, несмотря на почти двухметровый рост, удавалось передвигаться практически незаметно, заключалась в том, что делал он это беззвучно. Можно было бы даже сказать – абсолютно беззвучно. В том месте, где возле карагача или дувала возникала его высокая, похожая на тонкий столб фигура, затихали птицы, переставали возиться овцы, и даже – невероятно! – замолкали неумные азиатские собаки. Если бы кто-нибудь вознамерился обнаружить его присутствие по издаваемому шуму, то это, скорее всего, удалось бы, как выражаются математики, «исходя от противного» – по странной «звуковой дыре», оставляемой им в пространстве.

Другая причина, почему великан мог оставаться незамеченным, была в том, что он практически постоянно ухитрялся оставаться в тени. Только во время передвижения по жёлто-коричневой полупустыне его длинный силуэт вырисовывался на фоне голой равнины. Едва он достиг Кюнеса, то и вовсе пропал бы из виду, если бы не его спутник.

Если великан, по первому впечатлению, просто плыл в воздухе, не касаясь земли, бесплотной тенью, то о его спутнике этого никак нельзя было сказать. Он пыхтел, хрустел травой, топал по укатанной дороге, абсолютно не оставляя сомнений в своём присутствии. Судя по внешнему виду, этот второй был типичным местным жителем, невысоким, кругло-

головым, с острыми и очень умными чёрными раскосыми глазами. Правда, приглядевшись, можно было понять, что этот прохожий выглядит более упитанным, нежели измождённые постоянным трудом на открытом воздухе аборигены.

Едва они приблизились к дому ахуна, дверь сбоку дувала отворилась, и оба путника зашли внутрь.

Дом ахуна Тохти Тунъяза был типичным уйгурским жилищем, выстроенным очень давно. На глинобитные стены были положены деревянные балки, поддерживающие плоскую крышу с окном в потолке. Всё имущество ахуна помещалось в стенных нишах, заменяющих привычные европейцу шкафы. Тепло в доме также исходило от стены, прямо под которой был разведён огонь. И повсюду лежали и висели ковры, ковры, ковры...

Кровать заменял глинобитный кан, через который проходил тёплый дым, для того, чтобы ахун Тохти мог греть свои старые кости. Как бы то ни было, ему в ноябре исполнилось семьдесят шесть лет, и он был свидетелем того, как китайские солдаты учинили расправу над его страной 17 декабря 1949 года.

А значит, в его памяти осталось существование независимого государства – Восточно-Туркестанской Республики, просуществовавшей всего три года...

Ахун Тохти Тунъяз был очень старым человеком.

И этим вечером в его доме собралось много старых людей...

Дверь бесшумно отворилась, и невысокий путник вошёл в дом. Его провожатый великан остался снаружи, жвавшись в тень на глиняной стене. И сразу пропал из виду для нетренированного человеческого взгляда.

Вошедший секунду или две вглядывался в полумрак. Электрический свет в помещении не зажигался, несмотря на наличие светильников. Жилище освещалось свечами из разных мест в нишах стен. Люди – не менее пятнадцати человек – сидели на коврах, расстеленных на полу, посередине – на блюде – возвышалась гора лепёшек, а возле каждого гостя стояла пиала.

Вошедший прижал ладонь правой руки к груди, то же самое сделали все присутствующие.

– Салам алейкум, почтеннейшие из почтенных, отцы народа, – произнёс он. В этот момент свечи в нишах качнулись, их язычки вытянулись, добавив немного света странной картине. Человек европейской культуры увидел бы в этом сюжете нечто вроде собрания первых христиан во времена их жестокого преследования римлянами. Собравшиеся в доме выглядели торжественно-сосредоточенными, их одежда была небогатой, но подчёркнуто аккуратной и чистой, как на молитвенном сходе. Узкие монгольские глаза влажно блестели на морщинистых, смуглых, продублённых жаром пустынь и холодом зимних метелей лицах. Постепенно становилось понятно, что почти все присутствующие, за исключением вошедшего, были весьма и весьма пожилыми людьми.

Старейший из присутствующих, строгий уйгур в чёрном чепане, с аккуратно подстриженной бородкой и наголо бритой головой, поднялся и с достоинством произнёс:

– И мы приветствуем тебя, Исмаил Башири, в Центре Мира, на священной земле предков! Долог и труден был твой путь по сравнению с нашим. Но на долю многих присутствующих здесь выпало не меньше испытаний дорогой, учитывая их возраст. Однако в наших путях, равно как и в твоих, есть ещё одна сложность, и она не измеряется одной лишь трудностью пройденного расстояния. Наши враги сделали бы всё возможное, чтобы помешать нашей встрече, и только огромное уважение уйгурского народа помогло её осуществить. Так расскажи же нам, сын Башира Халили, внук Халила Ходжи, что происходит с нашими братьями за пределами нашей сегодняшней страны. И пусть будет недолог твой рассказ, а в конце его прозвучат для нас слова надежды. Ибо долгим и безрадостным было наше ожида-

ние, а срок нашей жизни истекает, как песок между пальцами сеятеля песка, и вода между пальцами водолея... Аллах Акбар!

– Иншалла, – немедленно отозвались присутствующие. Все они были ахунами – уйгурскими мусульманскими священниками, все они были старейшими и наиболее уважаемыми главами своего народа. Измаил Башири вспомнил мюнхенские заседания Уйгурстанского национального конгресса, претендующего на роль всеуйгурского парламента, и с гордостью подумал о том, что настоящий всеуйгурский парламент собрался здесь, в Кюнесе, собрался для встречи с ним, Измаилом Башири, человеком, покинувшим убежище в стране неверных на Альбионе, чтобы стать рука об руку со своими страдающими согражданами.

Несмотря на прозвучавший призыв к увеличению темпа беседы, все присутствующие снова расселись и наполнили пиалы.

– Если мы не изменим чего-то сейчас, то можем не успеть сделать это никогда, – заговорил Кахарман Фархиди, ахун из Кашгара. – Жёлтый дракон набирает такую силу, что, возможно, с ним скоро не сможет сравниться никто – даже Великий Сатана по другую сторону океана.

– На всё воля Аллаха, – произнёс один из ахунов Турфана, – Он может возвысить правоверных, а может их уничтожить. Но сейчас мы действительно переживаем страшные испытания.

– Отцы нашего народа, живущие с ним и разделяющие его страдания, – начал Измаил, – я нахожусь здесь, на родине предков, уже четыре недели. Аллаху было угодно, чтобы я появился здесь с вестями и предложениями. Будут ли мои вести благоприятными, а предложения приемлемыми – да рассудит Аллах!

– Иншалла, – откликнулись все без исключения.

– Моя жизнь прошла далеко отсюда – так далеко, что порой мне кажется, что её и не было вовсе. То, что пишут неверные о землях моих отцов, очень странно и противоречиво. Наши братья в Советах и Комитетах по освобождению уйгуров, расположенных в нечестивых странах, утверждают одно. Наши недруги говорят о другом. Неверные – да покарает их Аллах! – рассказывают третье. Для того чтобы знать намного больше, мне пришлось приехать сюда и встретиться со своим народом.

– Тогда, во имя Аллаха, зачем ты попросил Тохти Тунъяза пригласить нас, если не знаешь, о чём будешь говорить сам? Тебе отнюдь не следовало приезжать из страны неверных только для того, чтобы сотрясать воздух Центра Мира пустыми разговорами! Говорунов у нас достаточно и своих! – с горечью произнёс кашгарский ахун.

– Не говори так о внуке Халила Ходжи, – тихо произнёс ахун Тохти. – Он молод, но у него доброе сердце. Оно подскажет ему, что говорить...

– Подсказывать правоверному должен Аллах! А если правоверный верит сердцу, а не Аллаху, то наш долг вырвать у него это сердце и скормить псам, как это завещано пророком!

– Пророк не призывал ни к чему такому, – проговорил Тохти. – Одно правда: времени очень мало и его становится всё меньше. Да, хань-су охотятся за нашими смелыми юношами и девушками...

– За отважными стариками они тоже охотятся... – с горечью произнёс турфанский ахун.

– Они строят по всей стране – нашей стране, ибо её завещал нам Аллах – нечестивые винные заводы. Наши земли отравлены ядерными взрывами, нам запрещено общаться с соотечественниками, разбросанными по всему свету. Тех же из них, которые из-за границы призывают к сопротивлению хань-су, вылавливают, нечестивые выдают их хань-су, ахань-су публично расстреливают их на стадионах!

Тохти наполнил пиалу чаем и отпил.

– Но самая страшная сила заключается в их городах. Города хань-су растут как грибы по всей нашей земле. Хань-су приезжают туда тысячами тысяч, они строят там фабрики,

заводы, нечестивые места развлечений, в которых содержат обезьян, магазины, в которых может поместиться несколько таких городов, как наш. Может ли уйгур получить работу в этих городах? – ахун приподнялся на корточках и гневно заключил: – Нет! Уйгуры для хань-су – жители пустынь, немного – долин, немного – гор. Они относятся к нам, как к обезьянам, которых содержат в нечестивых местах развлечений! И самое страшное – многим нашим людям это нравится. Мы, коренное население Центра Мира, исчезнем с лица земли через несколько десятков лет. Хань-су сделают для этого всё возможное, потому что понимают: Центр Мира существовал и будет существовать вне зависимости от того, какой народ его населяет. Теперь он будет принадлежать хань-су.

– Я хочу также сказать о том, – продолжал Тохти Тунъяз, – что делают люди во всех тех странных советах и комитетах, учреждённых нашими бежавшими братьями в странах неверных. Возможно, мои слова будут произнесены во гневе, но я стар, я очень стар и должен сказать. Возможно, эти люди делают великое и благородное дело. Возможно, они помогают тем нашим братьям, которые силами хань-су выброшены с родной земли. Но мне отсюда кажется, что на самом деле они служат хань-су, потому что не делают главного. Нас здесь двадцать пять миллионов, а они помогают всем, но не нам! Делят между собой деньги, которые изгнанники жертвуют для нас, завладели вниманием всего мира, пытаются учить нас жить... Но сами они здесь не живут, а значит, не имеют на это права. Внук Халила Ходжи вернулся к своему народу, несмотря на то, что в стране неверных он был учитель, муфтий, очень уважаемый и состоятельный человек. Он бросил всё и пришёл делить наше горе, наше бесконечное горе, потому что безрадостно наше будущее.

– С чем ты пришёл, внук Халила Ходжи? – вкрадчиво спросил кашгарский ахун.

– Достопочтеннейшие из достопочтеннейших, – проговорил Измаил, потупив глаза. – Сперва я хочу поведать о том, что, несмотря на то что в стране неверных прошла вся моя жизнь, сейчас я прибыл с Земли Пророка. Наши братья по вере готовы помочь нам! А теперь ответьте мне, достопочтеннейшие из достопочтеннейших – хотя кто я такой, о Аллах, чтобы требовать у вас ответа? – в чём больше всего нуждается мой народ, чтобы обрести свободу? Сейчас я попробую сам ответить на этот вопрос, ибо Аллах вложил мне в сердце этот ответ: деньги, оружие и воины!

Полковник Шергин. Москва

«Ничто так не выдаёт человека и не является столь запоминающимся в его внешности, как глаза, – постоянно говорил Старик. – Поэтому учитесь прятать свой взгляд, учитесь не глядеть в лицо собеседнику. Легче всего запоминаются люди с большими и светлыми глазами – они, с моей точки зрения, практически не годятся для полевой работы. Мне самому пришлось уйти из полевых офицеров из-за взгляда – уж я-то знаю, о чём говорю».

Сидевший напротив Шергина майор Службы Максим Спадолин поднял глаза от папки и выразительно усмехнулся. Само существование Спадолина в отделе серьёзно противоречило принципиальной позиции Шергина. Был он темноволос, по-яркому голубоглаз, с выпирающими скулами и насмешливо вздёрнутым носом. Секретарши его обожали и считали, что он чем-то напоминал молодого Алена Делона. Во всяком случае, он выделялся из основной массы шергинских аналитиков, которые все как на подбор отличались низкими лбами и косящими взглядами из-под бровей.

– Итак, руководству потребовалась аналитическая записка о центробежных процессах, происходящих в Китайской Народной Республике вообще и Синьцзян-Уйгурском автономном районе в частности. Как скоро и в каком объёме?

– Скоро? Как всегда – вчера. Что до объёма – на ваше усмотрение. Страниц шесть-семь, две карты, диаграммку какую-нибудь для наглядности... – произнёс Шергин.

– Разрешено ли будет, – Спадолин и так знал ответ на этот вопрос, но тем не менее обратился с ним «по инстанциям» в виде сидящего напротив Шергина, – разрешено ли будет обратиться к Братьям за дополнительной информацией по данному вопросу?

– Отвечаю однозначно: деятельность Братёв в данной докладной должна оцениваться с позиции постороннего наблюдателя. А почему вы спрашиваете?

– Ну... Братья всегда плотно пасли уйгурских сепаратистов... Именно они рассчитывали вероятности развития общественного движения, вмешательства внешних сил и тэ дэ и тэ пэ...

– Если бы наше руководство интересовала точка зрения Братёв на происходящее, они бы к ним и обратились. Кстати, не исключаю, что они так и поступили. Рекомендую помнить об этом при подготовке записки. Что ещё?

– Если честно?

– Станный вы человек, Максим Сергеевич. Кто же в нашей Службе кого честно спрашивает? Хотите спросить – спросите.

– Что вы сами-то об этом думаете?

– Что я думаю? – Шергин поднял глаза от папки и поглядел на Максима поверх очков. «Глаза-то какие молодые, – в очередной раз удивился Спадолин, – без красных прожилок и не слезящиеся...»

– Думаю я, Максим, что в кои-то веки наше начальство задумалось о по-настоящему важных вещах. Не о кавказских набегах на Кубань и не о вероломных хохлах и ляхах. А о вещах, действительно способных влиять на всю структуру России – той страны, какой она сформировалась в XVII–XIX веках.

Максим промолчал. С возрастом на Старика всё чаще и чаще накатывали приступы пустословия в присутствии подчинённых. Возможно, это объяснялось возрастом и одиночеством – жил Шергин один, дети его разъехались по самым разным краям не только страны, но и всего мира, так что его собеседниками оставались подчинённые и компьютер. В отделе эти рефлексии считали признаками комплекса непризнанного гения. Но тем не менее именно к Старика как минимум дважды высшее руководство страны обращалось за консультациями

типа «как достать луну с неба?». И, судя по нынешнему положению Старика в Службе, эти консультации руководство удовлетворили...

– Дело в том, что после распада Союза и всей этой «демократизации» настоящая опасность нам грозит именно из Центральной Азии, – пояснил полковник. Рассмотрим самый неприятный вариант по Кавказу. Все горцы восстают разом, и после десяти лет безудержного газавата руководство страны в припадке безумия и под давлением Совета Европы дарует им независимость. Если абстрагироваться от психологического эффекта, приправленного усталостью от затяжной герильи, то мы теряем всего лишь два процента территории и около трёх процентов населения. Образно говоря, национальные автономии Северного Кавказа – палец на руке нашего организма. Пальцы лечат, но при необходимости их иногда приходится и ампутировать.

– Палец не указательный...

– Или большой. Да, все пальцы важны. Но беспорядки в Центральной Азии грозят нам циррозом печени, что может привести к остановке жизнедеятельности. Дело в том, что любая попытка выделения из Китая какого-нибудь Восточного Туркестана или Уйгурского халифата скажется на всём азиатском СНГ, более того – на Центрально-Азиатском регионе в целом, как такое домино, что не приснится никому из нас в страшном сне.

Здесь, Максим, религиозный фактор накладывается на фактор национальный. Ну посудите сами. Кто такие вайнахи? Обособленные племена разбойников, обитавшие в горах и грабившие караваны. Если бы не их беспощадная война с нами, о них и знать бы никто не знал, за исключением узкой группы славистов, специалистов по творчеству русских писателей первой половины XIX века, которые в огромном большинстве побывали на Кавказе. Ирония судьбы! Другое дело – уйгуры. В VIII–IX вв. этот племенной союз имел могущественную державу, занимавшую территорию, которая намного превосходила по площади конгломерат славянских княжеств под патронажем Киева. Именно к этой утраченной государственности апеллируют современные уйгурские националисты. Уйгуров в мире, в принципе, очень много – это едва не самая крупная нация, не имеющая собственной страны. Даже власти КНР признают, что у них в стране проживает не менее восьми миллионов уйгуров. Независимые от властей эксперты оценивают их численность как минимум в двенадцать миллионов.

– А сами уйгуры?

– Эти менее чем на двадцать пять миллионов только на территории КНР не согласны. Но, кроме того, во всём остальном мире их по самым скромным подсчётам миллионов пять. Так что общая численность уйгуров приближается к количеству современных поляков, а в совокупности их больше, чем мадьяр, чехов, словаков и сербов, вместе взятых. Но, увы, и это ещё не всё. В близких с этнической точки зрения отношениях с уйгурами состоят калмыки, башкиры, алтайцы и якуты. Как на них скажется националистическая идея, помноженная на религиозную, мне очень трудно представить. С идеей уйгурской независимости напрямую смыкается идея пантюркского государства... А это такие перспективы, о которых я даже думать не хочу...

Два голубоглазых человека сосредоточенно смотрели друг на друга.

– Вы не спешите в витии меня записывать, – добродушно усмехнулся Шергин. – Думаете, непризнанный гений отыгрывается на подчинённых, заставляя их выслушивать свои философствования? Не забывайте, что поручение дано нашему отделу высшим руководством, а не выживший из ума старикан требует проверять плоды, взращённые его маниакальной фантазией. Я просто хочу, чтобы вы поразмыслили над моими словами при составлении записки. Имейте в виду: в первый раз за время вашей работы вы займётесь подготовкой по-настоящему стратегического документа. Очень многие офицеры-аналитики за свою жизнь не подготовят и сотой доли такового...

– Я понимаю...

– Пока нет, – Шергин мягко хлопнул ладонью по документам. Потом добавил: – Да, и кроме того... Эта тема, скорее всего, получит в ближайшее время новое развитие. Поэтому я приказываю вам активизировать на синьцзян-уйгурском направлении привлекаемых Службой сотрудников.

– Выяснить, кто из наших замороженных контактов в республиках Средней Азии может быть задействован?

– И это тоже. Но советую не забывать ещё вот о чём. Сегодня Китай открывает свои двери. Его и другие интересующие нас территории посещают многочисленные туристские группы. Позаботьтесь о том, чтобы часть интересующей нас информации получать именно от них. Более того, можно даже спровоцировать какую-нибудь поездку в места предполагаемой совместной активности уйгурских и кавказских радикалов.

– Вот так – с бухты-барахты? Начинать такой оперативный цикл вряд ли стоит с экспромта...

– На подготовку экспромта у вас есть несколько недель. За это время можно спровоцировать или даже организовать самим, через доверенного человека, настоящую экспедицию, которая пройдёт прямо по интересующей нас территории.

– Шоп-туры? Любители кантри по-восточному? Горные туристы? Альпинисты?

– М-м-м... Вряд ли шопперы... Наверняка, эта область деятельности схвачена Братьями. Этнографические туристы – это, конечно, хорошо, но надо помнить, что в Китае доступ в места, где местное население живёт, или якобы живёт, по заветам предков и ведёт традиционное хозяйство, скорее всего, находится под контролем. Стало быть – альпинизм или горный туризм. Плюс маршрут, проходящий по интересующим нас местам.

– И что важно, есть много людей, которые с удовольствием помогут нам в работе...

Это было удивительно, но на самом деле среди альпинистов и горных туристов, имеющих высокие спортивные категории, всегда находилось достаточное количество людей, сотрудничающих со Службой. Максим иногда задумывался об их мотивации. Причин было довольно много, начиная от того, что люди, любящие горы, отличались повышенным патриотизмом, и кончая тем, что сотрудничество со Службой было Большой Игрой, такой же, как спорт и сверхсложные путешествия.

– Стало быть, самый верный вариант – отправить в составе туристской группы своего человека.

– Можно сказать итак...

– А что они, по большому счёту, должны выглядывать?

– Как всегда – всё необычное.

– И ничего в придачу?

Шергин чуть задумался. В конце концов, парень всё равно рано или поздно всё узнает. Так почему не сейчас?

Он сказал. И даже объяснил почему.

Выходя через несколько минут из кабинета начальника, Спадолин подумал, что шефу ещё далеко до дурдома, если ему удастся додумываться до таких заключений.

Урочище Ямат. Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика

«Зелёный чай отдаёт гораздо большей горечью, чем во времена моей молодости», – подумал ахун Кахарман Фархиди. Возможно, то, что ему приходится пить этот чай, его и убьёт: в трёхстах километрах на восток отсюда располагается Лобнорский ядерный полигон. Именно здесь, на исторических землях уйгурского каганата, хань-су испытывают самое отвратительное оружие мира. Кахарман Фархиди был уверен: всё, что сейчас делают хань-су с его народом, – это месть китайцев за годы унижения, которые они претерпели, выплачивая дань предкам нынешних уйгуров. Более пятисот лет государство уйгуров было самым могущественным царством в Центре Мира.

Двое сопровождавших его отошли в сторону, где развели свой, отдельный костёр. Нельзя нарушать уединение учёного человека.

Кахарман Фархиди продолжал думать.

«Действительно, если в самое ближайшее время чего-то не произойдёт, уйгуры как нация исчезнут с лица земли. Сто миллионов китайцев, переселившихся в Синьцзян, уничтожат уйгур в смешанных браках за тридцать лет. В годы молодости ахуна запрещалось заключать смешанные браки с неверными, да покарает их Аллах! Но за последние пятьдесят лет многие люди ослабли в вере, особенно молодёжь. Девушкам нравятся богатые хань-су, они выходят за них замуж, а закон КНР оказывается на их стороне. Если было бы возможно ввести законы шариата, то наша земля уже не принадлежала бы китайцам», – усмехнулся про себя Кахарман.

Он продолжал думать о славном прошлом своего племени. Все географические названия Восточного Туркестана имеют уйгурское происхождение до самых Гималаев. Ещё до образования Уйгурского каганата в нынешней Монголии его народ полностью контролировал пространство, протянувшееся до Гималайских гор. А как красив уйгурский язык! Певучестью он напоминает трели соловья...

А есть ли будущее у его народа, если он пойдёт путём, предложенным Измаилом Башири? Хань-су всегда подавляли восстания безжалостно и эффективно. Но сегодня Великий Китай хочет покорить весь мир своей торговой экспансией – а значит, ему придётся считаться с тем, как отнесётся к нему мировое сообщество. В том числе и внутренняя политика Китая будет предметом обсуждения неверных. А мир неверных сейчас сильнее КНР. Пока сильнее. По крайней мере, так утверждает Измаил Башири... А надолго ли сохранится такое соотношение? С каждым годом количество стран, уступающих Китаю в мощи, растёт, а количество превосходящих – уменьшается. Что там сказал Измаил? Россия, вместе с Китаем погубившая его народ в 1949 году, уже слабее своего южного соседа. Воистину Аллах велик и Мухаммед – пророк Его!

А ведь Советский Союз в том же 1949 году был по-настоящему непобедимой державой! Быть может, и Восточный Туркестан станет той соломинкой, которая сломает хребет китайскому верблюду?

Тогда... Тогда получается, что на все действия по обретению независимости у них и остаются всё те же десять лет!

Неужели Аллах на самом деле послал им Измаила Башири с его предложением и друзьями?

Современные уйгуры не умеют сражаться. Храбрости им, конечно, не занимать, но надо учиться стрелять, взрывать и выполнять приказы. В Китае не берут в армию не-китайцев. А план Измаила предусматривает обучение уйгурских бойцов самыми закалёнными воинами ислама! Он сам, Кахарман Фархиди, был счастлив увидеть этих героев.

Да, несколько лет правильно построенной борьбы вполне могут дать уйгурам независимость. А там...

А там рукой подать до Большого Туркестана. Власти бывших советских республик алчны и слабы, их города постоянно сотрясают беспорядки. А что происходит в мусульманских краях России? Если поднимутся правоверные, то, вполне возможно, северный колосс не выдержит и просто развалится на части!

Аллах акбар!

Но есть ещё кое-что. Вполне возможно, мусульманам Синьцзяна пришло время использовать ещё одно оружие. Силу столь древнюю и могущественную, скрытую в этих горах, что никто из героев последних пятисот лет не осмеливался даже и пытаться ею овладеть.

А вдруг?..

По спине Кахармана пробежала дрожь. Он так стар!

Не исключено, что ему самому уже хочется увидеть конец мира?..

Необходимо наедине разобраться со своими чувствами.

Кахарман Фархиди не боялся смерти – в конце концов, на всё воля Аллаха. И иногда Он посылает правоверным самых неожиданных союзников – как этот внук Халила Ходжи и его таинственные друзья с Аравийского полуострова. Сейчас Кахарману Фархиди предстояло встретиться ещё с одним возможным союзником.

Урочище Ямат. Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика

До ушей Кахармана Фархиди донёлся шум двигателя. С юга по открытой дороге, словно огромный блестящий чёрный жук, приближался джип – довольно редкий в этих краях Китая Toyota Landcruiser 100 с тонированными стёклами. Джип не доехал до роши, в которой коротал время Кахарман, около километра – расстояние, с которого довольно сложно достать из снайперской винтовки или гранатомёта – и стал ждать.

Спутники ахуна с болью и негодованием наблюдали, как семидесятилетний старик бредёт по пыльной засохшей степи к поджидающему его «сверхнасекомому». Кем бы ни был этот человек, он был обязан подъехать к ахуну, вместо того чтобы заставлять Кахармана идти к нему по выгоревшей степи. Словно уловив мысль на расстоянии, джип зарычал, преодолел оставшиеся до старика триста метров и развернулся возле него, обдав облаком пыли. Хлопнула дверь, принимая ахуна, и автомобиль на полной скорости помчался к синему хребту Тянь-Шаня.

Когда пыль развеялась, в степи уже никого не было.

Спутники ахуна зло прокомментировали действия нечестивца и вернулись к своему шашлыку и зелёному чаю.

Человек, подобравший Кахармана Фархиди, был крупнейшим бизнесменом Кашгара Абдужелилом Каракашем. В Кашгаре Каракашу принадлежало три швейные фабрики, завод по производству велосипедов, сеть оздоровительных комплексов. Но самое главное – Абдужелил занимал ведущее положение в группе, занимавшейся выращиванием и обработкой опиумного мака в глухих ущельях Памира.

– Иншалла, – приветствовал он старика с заднего сиденья.

Старик ответил. Кем бы ни был Абдужелил, он прежде всего мусульманин. К тому же сейчас.

– Я всегда рад помочь вам добраться до родного города, достопочтеннейший из достопочтеннейших, – произнёс Абдужелил. – Но вы сказали мне, что есть некая причина, почему я лично должен явиться на зов святого человека. Скажу прямо – будь вы хоть самым святым Хазретом, это не заставило бы меня высунуть нос из Кашгара. Но вы – человек, качавший меня на руках сорок лет назад, человек, оказавший мне и моему бизнесу неоценимые услуги, и я счёл себя обязанным примчаться.

На самом деле когда-то Кахарман, пользуясь своими связями с уйгурами-эмигрантами, часть из которых существовала вне закона, счёл для себя возможным помочь Абдужелилу наладить каналы переброски героина в Европу. С его точки зрения, распространение этого зелья в стане Сатаны способствовало делу, которому он посвятил всю свою жизнь – расширению влияния ислама по всему миру.

Теперь пришла пора напомнить о возвращении долга.

Ахун Кахарман сосредоточенно рассказал обо всех событиях последних дней – встрече главных ахунов уйгурского народа в доме Тохти Тунъяза, обставленной так, как будто это была Тайная Вечеря в окрестностях Иерусалима; о появлении на этой встрече Измаила Башири, внука Халила Ходжи, в прошлом одного из руководителей Республики Восточный Туркестан; о поездке ахунов на базу, где находились приехавшие из России воины Ислама. О беседе с высоким и мудрым человеком, которого все называли генералом Омаром. И самое главное – о сотнях автоматов с патронами и неограниченных финансовых ресурсах Измаила Башири, улема из Англии, приехавшего сражаться с неверными на родину предков.

– Вы думаете, хань-су не знают об этих событиях? – с сомнением спросил ахуна наркоторговец. – Среди восемнадцати ахунов, собравшихся на встречу, наверняка, человек шесть – колеблющиеся.

– Прежде всего, они – мусульмане, – с гневом бросил ахун.

– Ну... Мусульмане... А как вам понравился этот английский выскочка? Во имя Аллаха, давайте говорить честно – есть ли у него шанс?

– Почтенный Абдужелил, первое, что я понял, слушая этого молодого человека, – что у него есть вера.

– А также деньги, оружие и вооружённая гвардия. Не слишком ли много для одного человека? А вы не предполагаете, что, может быть, это вооружённая гвардия ведёт его, а не он её?

– Наши братья-воины из России на самом деле произвели на меня несколько двойственное впечатление, – насупившись признал ахун. – Но их командир, генерал Омар... – тут ахун запнулся и в итоге произнёс: – В конце концов, улем и воин в одном лице – отличное сочетание!

– Достопочтеннейший из достопочтеннейших, – вкрадчиво произнёс Абдужелил, – как вам известно, у меня свои источники, и они предоставили мне верительные грамоты генерала Омара. – Здесь Каракаш запнулся. На самом деле он знал больше, гораздо больше, чем Кахарман Фархиди. Но наркоторговец был по-своему очень честным человеком. И он на самом деле считал себя обязанным своему ахуну, даже не столько за помощь в делах, сколько за отеческую заботу о нём, когда Абдужелил бегал беспризорным мальчишкой на улочках Кашгара. – Скажите, почтеннейший, они упоминали при вас шейха Калеба?

– Нет, почтенный Абдужелил. – Кахарман понял, что бизнесмен только что произнёс слова, которые не должен был говорить ни при каких обстоятельствах. И преисполнился благодарности.

– Шейх Калёб, – задумчиво продолжал Каракаш, – живёт или на Земле Пророка, или совсем неподалёку от неё. Мои люди встречались с ним несколько месяцев назад. Многие люди считают его колдуном. Неважная рекомендация для правоверного.

– Аллах запретил нам искать истину в общении с демонами, – проговорил ахун. – Но он не осуждает других людей, если они следуют этим путём.

– За одним исключением – если эти другие люди являются мусульманами. Правоверный, взыскующий магии, противоречит учению Пророка...

– Вас это смущает, почтенный Абдужелил?

– Нет, почтеннейший. Я говорю обо всём этом потому, что это должно смущать вас. Но я продолжаю о другом: шейх Калёб, несмотря на свои... странные интересы... пользуется большим авторитетом среди правоверных Земли Пророка. Именно ему принадлежит идея вложить деньги в освобождение нашего народа. И он же подыскал Измаилу солдат для армии освобождения Восточного Туркестана. Но самое главное, что он сделал, – он нашёл офицеров для этой армии. Мне кажется, что этих офицеров для будущей армии Аллаха шейх Калёб готовит в своём княжестве...

– Как мало мы, живущие в Центре Мира, знаем о том, что происходит на его окраинах, – сокрушённо вздохнул Кахарман Фархиди. В отличие от других ахунов своего народа он за радикализм всю свою жизнь имел статус «невыездного» человека.

– Всё это я сказал вам, достопочтеннейший, дабы вы поняли, откуда у меня верительные грамоты вашего уйгуро-англичанина и его гвардии. И эти грамоты выглядят настолько впечатляюще, что я прямо сейчас привёз сюда то, о чём вы меня хотели попросить, – наличные деньги, двенадцать миллионов юаней.

«Полтора миллиона долларов!» – мгновенно пронеслось в голове у ахуна.

– Достопочтенный Абдужелил, – сурово сказал Кахарман. – Я отнюдь не желал просить у вас денег. Просто часть авуаров достопочтенного Измаила несколько...

– Неликвидна, – быстро сказал наркоторговец. – Я об этом предупреждён. Точнее, ликвидна, но не в банковской системе КНР. Золото и камни. Но я сейчас не об этом. Я прошу принять эту скромную сумму как бескорыстный вклад в нашу борьбу.

Поражённый щедростью Абдужелила, ахун подумал, что, несмотря на свой жизненный опыт, ему свойственно ошибаться в людях как в худшую, так и в лучшую сторону. Ему даже не пришло в голову, что одной из причин этой помощи, кроме просьбы шейха Калеба, являлось желание Абдужелила отвести взгляд правоохранительных органов КНР от Кашгара...

База отдыха «Хун Шань».

Китайская Народная Республика, провинция Синьцзян

Группа Гельмана – семеро обросших, пахнущих потом и тем особым человеческим запахом, который вырабатывается телом при максимальных нагрузках в снежных просторах Центральной Азии, людей – выходила к окраине посёлка Шавань, отмеченного на карте как Саньдаокэцзы.

Здесь, в китайской провинции Синьцзян, все населённые пункты имели по два, а то и по три названия: одно исконно местное на языке уйгуров, другое – такое же, но на монгольском, и третье – официальное, на титульном, как сейчас принято говорить, языке – китайском. Китайские власти таким образом пытались пресечь все попытки серьёзного сепаратизма в этой части страны, населённой преимущественно мусульманами: уйгурами, дунганями и казахами. «Ничего, – подумал Владимир – огромный, могучий черноволосый мужчина, мастер спорта по горному туризму, способный и сейчас, в свои пятьдесят четыре, нести сорокакилограммовый рюкзак тридцать пять километров в день. – Скоро китайское правительство переселит сюда миллионы ханьцев, на чём и кончатся все идеи хоть о какой-нибудь национальной автономии этого края».

Гельман уже различал блеск лобового стекла китайского военного джипа BJW – дальнего родственника старины ГАЗ-69, «слизанного», в свою очередь, с американского «виллиса». Джип прибыл с базы отдыха китайского заповедника Карас, с усадьбой которого Гельман вчера связывался с гор при помощи спутникового телефона.

Группа московских туристов подошла к джипу, Гельман показал свою карту маршрута, водитель радостно заулыбался и позвонил. Из-за угла вырुлил японский микроавтобус, из которого выкатилась упитанная китайская девица, ткнула себя в грудь и сказала: – Надя!

Гельман тяжело вздохнул. Переводчики-китайцы уже порядком надоели во время заброски группы на высокогорье. А теперь ещё нужно было объяснять, что их надо отвезти в какое-нибудь тихое место для отдыха – без базара, парка аттракционов и сети универмагов, туда, где ребята могли бы придти в себя после восхождения и немного подсушить – подлатать снаряжение.

Несмотря на то что «Надя» упорно называла заповедник парком, а отдых у неё подразумевал «массаж, пиво, сауна», через полчаса группа уже ехала в ущелье Хун Шань. Рюкзаки туристов заняли практически всё свободное пространство джипа, что вызывало удивлённый смех водителя и нарочито испуганное приседание Нади.

«Чежолы! Очень чежолы!» – говорила она, трогая за ляжку то один, то другой рюкзак.

– Блин, когда толпой тащишь, вроде не очень понимаешь, как их много, – хмыкнул Анатолий Островский, врач экспедиции. – А как в одну кучу сложишь – мать Божья, их четверть тонны...

Автомобили снова ехали по направлению к Тянь-Шаню, с предгорий которого группа спускалась ранним утром.

– Сегодня и завтра ночуем на базе. Если я правильно понял эту щекастую, конечно. Занимаемся снарягой, спим. Послезавтра с утра нас везут в Урумчи, сегодня вечером надо будет подтвердить билеты на автобус.

По плану группа должна была вернуться в Алматы и уже оттуда вылетать в Москву. В столице Казахстана двое туристов превращались в тех, кем они и были в повседневной жизни, – в специалистов по прокладке газопроводов. Они сразу же попадали на совещание с участием представителей правительства Казахстана, после чего должны были лететь на Алтай, смотреть, как пойдёт «труба» через знаменитое плато Укок. Гельман же хотел встретиться со старыми друзьями-горниками и обсудить возможности проведения новых и сложных маршрутов на территории открывающегося для иностранцев Китая.

Туристская база «Хун Шань» располагалась в суровом, но очень живописном месте: на уступе горы, возле небольшого моренного озера, вдоль берега которого были рассыпаны огромные валуны – каждый размером со среднюю комнату в обычной малометражной московской квартире. Поверхность воды отливала серой сталью, а камни на берегу – какой-то едва уловимой голубизной. Валуны в сумерках казались синее воды и неба. База была выдержана в стиле, более характерном для южного и восточного Китая («А может, это задача у них такая – подгонять всё под стандарты метрополии?» – подумал Гельман) – белые ворота, черепичная кровля с приподнятыми а-ля пагода краями, трёхэтажное здание с кафе на первом этаже без каких-либо архитектурных изысков и некое квадратное строение на заднем плане, ближе к склону горы. На территорию базы машины туристов пропустили после долгого препирательства: услуга всё повторяла на очень плохом русском: «Занято», – но Гельман снова созвонился по GlobalStar с директором заповедника, и тот, через переводчика, подтвердил, что они могут заселяться.

Ребята по старой привычке попытались разместиться в двух номерах, но Надя быстро объяснила, что при общекитайской дешёвизне они могут занять четыре двухместных номера.

Приняв душ, все участники маршрута спустились в кафе, но здесь их ждала неожиданность.

Кроме них в зале находился ещё один европеец – невысокий крепыш, лет тридцати пяти – сорока, стриженный наголо, с характерными чёрными густыми бровями, сползающими к переносице, отчего выражение его лица приобретало задумчиво-страдающий вид. Пухлые губы и искрящиеся карие глаза плейбоя наводили на мысль, что их обладатель должен очень и очень нравиться женщинам. Несмотря на вечернюю прохладу, он был одет в простую и лёгкую рубашку с короткими рукавами. Бритоголовый левой рукой перебирал нефритовые чётки. Услышав русскую речь, он улыбнулся и попросил разрешения подсесть к группе.

– Привет, соотечественники, – мягко произнёс он, – отдохнуть приехали?

– Да заканчиваем отдыхать-то, – грубо пресёк вопросы Гельман, который в каждом русском, встреченном за рубежом, видел или уголовника, или нувориша.

– Отдохнуть это у него называется, – скривился Островский, – десять дней и четырнадцать перевалов!

– Зато первопрохождение, – рыкнул на него руководитель. – Во всех справочниках теперь значиться будет. Есть с чем в могилу ложиться!

– Уже и в могилу ложиться... Я что-то так сразу не планировал, – хмыкнул Анатолий.

– Меня Денисом зовут, – извиняющимся тоном представился бритый плейбой.

Туристы представились.

– А вы, это, здесь отдыхаете? – подозрительно прищурился Гельман.

Денис улыбнулся снова, на этот раз снисходительно: – Я тут как раз работаю. По линии Фонда защиты диких кошек – помогаю китайским коллегам...

– А неплохо тут у китайских коллег, – хмыкнул Гельман. – И что, народу много бывает?

– Много народу внизу, там, где международный резерват Карас, – пояснил Денис. – Там озеро Карас, база отдыха, мифическое чудовище – китайский Лох-Несс, в общем...

– И что чудовище? Не распугивает отдыхающих?

– Что вы! Чудовище отдыхающим очень даже способствует. Такой оживлённый прокат всякой оптики на берегу.

– А здесь у них что? При отсутствии чудовища?

– Как что? – удивился Денис. – Вы русские – и не знаете? Это – рериховские места. Здесь проходила его среднеазиатская экспедиция. Всё творчество Рериха замешано на впечатлениях о таких странах. Озёра, долины. Камни... Между прочим, учёные из всемирно

известного института эзотерической культуры «Центр-Рерих» установили, что именно в этом месте, у озера Кара-Коль, находится географический центр Евразийского материка – «Центр Мира» древнейших культур. Собственно говоря, это даже не база отдыха, а место паломничества. Мы, наш фонд то есть, профинансировали часть строительства, а «Центр-Рерих» оплатил создание дома паломников. Сейчас там почти никого нет.

– А паломники сюда едут русские или кто-то ещё? – спросил Анатолий.

– Конечно, русские, – перебил приготовившегося отвечать Дениса Гельман. – Больше никто в мире про этого прохиндея и не знает.

– Экий вы, – тонко улыбнулся Денис, – радикал. Рериха знают во всём мире. Вот сейчас, например, здесь художник – англичанин уйгурского происхождения, большой знаток и поклонник рериховского наследия. Замечательно даже не то, что он знает всю историю их семьи, а то, что сейчас этот человек очень серьёзно интересуется магическими артефактами, находившимися у них в руках.

– Хм-м-м... Широка страна моя родная. Много в ней невиданных чудес! В том числе и англичане уйгурского происхождения, почитатели рериховского наследия.

– Ну, чудес здесь и в самом деле немало. Вон, видите, на уступе скалы напротив – развалины античной крепости?..

– И естественно, могила Александра Македонского... – пробурчал Гельман.

– По крайней мере, так говорят, – мягко улыбнулся Денис.

– Погодите-ка, – вмешался Анатолий. – Я врач, естествоиспытатель прежде всего... А вот эта крепостца – если это крепостца, конечно, а не загон для овец – как снабжалась вот водой, скажем? И на хрена, скажите, её так высоко над долиной строить, ведь контролировать долину из луков никак не получится?

– А там выбиты целые цистерны для воды в скалах, – терпеливо объяснял Денис. – И пробита штольня до какого – то подземного потока. А контролировать долину из этой крепости было не надо – туда уходило в случае нашествия врагов местное население. Выше в горах есть ещё одна крепость – совершенно фантастическое место, я слышал.

– Тоже – Александра Македонского?

– Тоже... Кстати, я общался с археологами – по их мнению, всё это не противоречит законам природы... То есть крепости не то чтобы самим Искандером Двурогим построены...

А позже, во времена диадохов – Селевкидами... Ну ладно, не стану вас больше утомлять – отдыхайте...

Спалось Гельману плохо...

Трудно сказать, чего ему не хватало. Низкого гудения горелки? Шелеста палаточной ткани под порывами ветра? Храпа товарищей? На правах старшего группы он взял себе отдельный номер.

Владимиру Гельману, по прозвищу Человек-гора, было пятьдесят четыре года, из которых в горных походах он провёл в общей сложности не менее шести. Ему доводилось видеть много удивительных мест. Но с таким количеством странностей, как здесь, в Восточном Тянь-Шане, высокопарно названном сумасшедшими рериховцами «Центром Мира», ему сталкиваться не приходилось.

Он вспоминал, как видел вторую крепость над долиной Кара-Суу. Крепость Свастики. Интересно, почему она имеет такую форму? Ведь свастика – знак тибетской мифологии. И индийской, как говорят. Сейчас, правда, психи утверждают, что свастика – истинно славянский знак, подаренный нам с неба...

Если крепость с самого гребня показалась ему стоящей в четверть склона, то, значит, она и на самом деле расположена очень высоко над рекой... На хрена их так строили, интересно, в те времена? Явно не воины Искандера Двурогого – делать им больше было нечего... Видимо, какие-то дикие тянь-шаньские горцы – как их там звали в те античные времена?

Эфталиты? Да сам Сатана нынче не разберёт... Когда-то он, молодой физик из МАИ, увлекался сочинениями Л. Н. Гумилёва. Складные книжки писал старик, но как бы всё это не оказалось враньём... Кто может сегодня, через две с половиной тыщи лет, знать, как оно там было на самом деле? Уже сегодня многие молодые (да и не очень) люди с трудом представляют себе, что *на самом деле* происходило 19–21 августа 1991 года в Москве. А тут – IV век до нашей эры! Жуть... Интересно, как жилось людям в этих ущельях, когда они ежечасно, ежеминутно, каждый миг своей жизни воспринимали эту пронзительную красоту высокогорья? А построить такое сооружение на отвесной скале, под ударами стихий – разве реально? Сколько сил, времени и средств это должно было занять? Правда, строили такие сооружения явно не те, кто их задумывал. Заставляли каких-нибудь дехкан или рабов тесать камень. Ещё в первый раз, проходя по этим местам четыре года назад, Гельман задавался вопросом: что за геометрические узоры расположены внизу? Что это – творение рук человеческих, изуродованное временем и снегом, или причудливое нагромождение скал?

Теперь он этим вопросом не задавался. Пять дней назад, проходя над перевалом Кара-Таш, он видел, как в середине иссиня-чёрной морозной ночи крепость испускала голубое мерцание, очень похожее на свечение неоновой лампы...

Гельман встал, накинул на плечи мягкую полартековую куртку и вышел в коридор. Окно было приоткрыто, скалы покрывал серебристый лунный свет, как будто огромные тьянь-шаньские кручи выбелил выпавший иней.

«Полнолуние», – подумал Гельман и потянул створку окна.

Вдоль берега озера двигались тени.

«Вот мудаки, – привычно проворчал про себя Гельман. – В лунном свете в этих камнях сам чёрт ногу сломит. Ещё какая-то группа выходит из гор, что ли?»

Слышно было, как «разговаривала» горная река. Вернее, не одна, а десятки рек, речек, ручейков и родников, впадающих в озеро Кара-Коль со всех окрестных гор и долин. И среди этого водного многоголосья Владимир Гельман уловил человеческую речь.

Люди общались вполголоса, предполагая, видимо, что шум бегущей воды заглушает их слова. Но в такой прозрачной, вяжущей тишине, какая случается в горах не каждый месяц, их тихая, вплетённая в звук ручья речь разносилась на сотни метров вокруг. Так, люди, разговаривающие в моторной лодке, плохо слышат друг друга, но их беседа совершенно отчётливо звучит для слушателя, располагающегося в ста и даже в двухстах метрах.

– Наслаждаетесь тишиной? – сзади, практически бесшумно ступая по ковру, подошёл Денис. – Правда, сказка?

Гельман вздрогнул, освобождаясь от услышанного только что разговора.

– Да уж, сказка... А что делают эти люди?

– Какие люди?

– Ну там, внизу?

Денис мягко улыбнулся.

– Вы же не верите в духов местных гор и в силу учения Рериха? Значит, и теней здесь никаких быть не может. Английский уйгур ушёл на этюды в горы ещё вечером и вряд ли сюда вернётся. А больше людей здесь нет...

– Как это нет? Я только что видел группу – человек семь.

– Призраки воинов Гэсэрхана, Владимир Владимирович, – всё так же мягко улыбнулся Денис. – Тринадцать всадников...

– Каких всадников? Люди под грузом и с альпеншто...

И тут Гельман осёкся на полуслове. Он понял, что это были никакие не альпенштоки.

Гельман повернулся к окну и стал вглядываться в серебряное нагромождение камней.

Луна стремительно закатывалась за склон. Камни потемнели, в несколько минут потеряв наброшенное на них серебристое шёлковое покрывало.

И больше не было видно семерых человек, пробиравшихся среди россыпи, под тяжёлой поклажей и с автоматами в руках.

«Шесть мюридов пойдут в пещеры. Эмир останется здесь».

Владимир Гельман тридцать лет ходил по горам Кавказа и прекрасно понимал речь десятка местных народов.

От осознания того, что люди внизу говорили на одном из вайнахских наречий, он поёжился.

– На самом деле – наваждение какое-то, – он повернулся к Денису и увидел, что говорит в пустоту. Человек в коридоре исчез так же бесшумно, как появился.

Владимир Гельман повернулся обратно к горам.

В крепости над озером Кара-Коль горел свет. Но это был отсвет совершенно земного огня – там, во дворе, горел костёр, зажжённый человеческими руками...

Алматы, Республика Казахстан. Пять дней спустя

Владимир Гельман двигался по человеческому морю азиатского базара, как самоходная баржа, бороздящая какую-нибудь из великих северных рек. Будучи весьма немаленьким человеком, он возвышался над морем бритых и волосатых голов, платков, тюбетеек примерно на голову. Человеческое море обтекало его плечи, а он с высоты своего двухметрового роста оценивал лежащие на прилавках абрикосы, яблоки, груши, виноград.

«Гостинцев в Москву привезти, внучке. Ведь что они там за фрукты видят? Слизь, а не фрукты... Даже здесь – так себе, по сравнению с базарами в кишлаках. Яблоко – это само собой. Алма-Ата (Гельман никогда не называл этот город новым именем, которым наградила его Назарбаев) ведь так и переводится „Отец яблок“. Урюк... Абрикосы... Хрен с ним, с грузом, его и так больше семидесяти килограммов набирается... Дочке – бирюзу...» Мир закружился, люди, на которых он, Человек-гора, всегда взирал со своего двухметрового роста, потянулись к нему, вверх, переросли, его, заглянули на него с высоты...

Послышался пронзительный женский визг.

– Человеку плохо!

Гельман этого визга уже не услышал.

– Итак, человеку на базаре стало плохо, и он скончался. Наверное, сердце, – хмыкнул старший лейтенант криминальной полиции Казахстана Нурсултан Тохирбаев, составляя рапорт о чрезвычайном происшествии на Зелёном базаре. Какой-то русский турист решил отдать концы прямо на солнышке? Так бывает, в конце концов, это не их страна. Хорошо бы он успел перед смертью спустить все свои деньги на территории Казахстана.

– Да, и доктор так же считает. Обширная сердечная недостаточность. Лет ему уже много, совсем старик...

– Какой старик? – вскинулся Анатолий Островский, – ему всего пятьдесят четыре было! Да он каждого из вас кулаком мог убить!

– Теперь уже не убьёт, – в голосе Тохирбаева прозвучало что-то похожее на удовлетворение. – Такой крепкий всегда так – хлоп! – и сердце...

– Я врач. Разрешите мне освидетельствовать тело!

– Ты не врач. Ты у себя в Москве врач. Здесь у нас свой врач есть. Он уже всё освидетельствовал. Вы, если вам нужно, у вас в Москве свидетельствуйте...

Анатолий Островский, доктор. Москва

Печальную обязанность получения гроба с телом Человека-горы Анатолий Островский разделил с его с женой и сыном.

– Товарищ оперуполномоченный, я хочу сделать заявление, – начал Анатолий. – Официальное заявление, я хочу сказать.

Капитан Бурляев с сочувствием посмотрел на говорившего. Пятнадцать лет назад его, маленького мальчика, родители увезли из города Целинограда, ставшего затем Акмолой, а с недавних пор Астаной – столицей независимого Казахстана. Его отцу, старшему научному сотруднику Института тропосферной связи Иосифу Бурляеву в новой стране не нашлось места, и ему пришлось стать вынужденным переселенцем в столицу Российской Федерации Москву. В конце концов, он об этом так и не пожалел.

Капитан Бурляев уже выслушал от туристов все подробности о хамском отношении казахской (наверное, правильнее говорить – казахстанской?) полиции к группе после постигшего её несчастья. А теперь этот доктор хочет документально зафиксировать свои претензии... Капитан Бурляев не был сотрудником Министерства иностранных дел и уже приготовился в мягкой форме сообщить об этом убитым горем людям, но то, что он услышал, заставило вспомнить его ещё несколько милицевских инструкций. И ещё одну – не милицевскую и не инструкцию, а всего лишь короткий разговор, состоявшийся позавчера.

– Товарищ капитан, я сам – доктор, терапевт, – заговорил Островский. – В мои обязанности входило постоянное наблюдение за здоровьем группы в течение всего маршрута. Я вам ответственно заявляю – Владимир был исключительно здоровым человеком. И ни я, ни супруга Владимира Лариса Васильевна, не поверим в указанную в медицинском заключении казахстанских коллег причину смерти без официального вскрытия, проведённого в любой из московских клиник.

Капитан Бурляеву пришлось принимать решение.

– Я хочу, чтобы вы письменно изложили ваше заявление, – произнёс Бурляев вполне дружелюбно. «Хотя, – подумал он, – видит Бог, что ещё можно сделать, даже если на самом деле произошло преступление? А вот бумаг из-за этого дела придётся перелопатить невероятное количество». – После того как вы закончите писать, я попрошу вас позвонить из моего кабинета вот по этому телефону. Запомните: именно из моего кабинета – никакому другому номеру по этому телефону не ответят...

Полковник Шергин. Москва

– Итак, Володя Гельман... Хороший был человек... Немного сварливый, склонный к резонёрству. Такие чаще всего идут на контакт со Службой, потому что им кажется, что их никто не слушает. На этот раз он так и не сумел ничего нам рассказать.

– Но сама его смерть разве...

– Да. Она и есть наша точка отсчёта. В любом случае, надо исходить из того, что убийство – всегда экстраординарный способ решения проблемы. И оно чаще говорит о большем, чем призвано скрыть. Да и сказало, вообще-то.

– Не слишком ли примитивно – удар заточкой?

Собственно, именно это и было записано в повторном медицинском заключении о причине смерти Владимира Гельмана. Смерть наступила в результате удара острым тонким предметом в область основания черепа в районе первого шейного позвонка (остатки металла, выявленные в результате трассологической экспертизы, позволили установить, что орудием убийства являлась переточенная отвёртка). В сопроводительной записке говорилось, что симптоматика последствий такого удара будет на девяносто процентов совпадать с симптоматикой внезапного сердечного приступа.

– Примитивно?.. Ну-ну... Это профессионализм такого уровня, с каким мне не приходилось сталкиваться уже минимум лет двадцать. В нашу публику навсегда вбит стереотип: суперкиллер – спортсмен с дальнобойной винтовкой на крыше здания, поражающий мишень за два километра. А ведь самая сложная задача – убрать человека в толпе, так, чтобы почти никто вокруг ещё несколько секунд не сообразил, что произошло. Подходы к базару, толпа, суета и – раз! – заточка в хребет, мгновенная смерть и ни капли крови... Убийца Гельмана будет покруче Леона-киллера. И это тоже говорит о том, что покойный Володя углядел в горах нечто очень и очень странное...

– Встретил наших чеченских террористов?

– Ага... С каким-нибудь Доку Умаровым во главе. Щаз-з-з. Здесь меня настораживает именно высокий профессионализм покушения, что никак не говорит в пользу чеченцев. Практически всё, что они делают, отдаёт дилетантизмом. Не дилетанты только террористы, выросшие из армии или спецслужб, такие, с которых начиналась французская ОАС.

– А ирландцы?

– Ирландцы? Да уж... Эти за пятьсот лет могли и научиться. У них этот террор – образ жизни. В ирландском эпосе, на котором они все воспитаны, культивируется идея жизни как Большой Игры. Вот и играют... Кстати, об игроках... Я думаю, что в процессе разработки нам есть смысл привлечь кое-каких людей со стороны.

Спадолин насторожился. В Отделе иногда просыпались какие-то туманные, очень туманные слухи о неких посторонних силах, которые Старик подключает к своим операциям. Судя по характеру их действий, они не могли иметь отношения ни к одной официальной службе, хотя иногда можно было вспомнить пресловутого агента 007.

– Я думаю, вы не будете возражать против краткосрочной командировки в США... Есть там такой совершенно о'генриевский городишко – Ассинибойн-Сити... И живёт там один наш недавний должничок...

Алекс Зимгаевский, он же Зим. Ассинибойн-Сити

«В любом случае, расставаться будет сложно, – подумал Зим, провожая глазами точёную фигурку Тары. – Конечно, глупо, ведь для обоих это началось как типичный аспирантский роман. Никто не рассчитывал на его продолжение, особенно при нашей разнице... Даже не в возрасте. Практически во всём. Девочка из состоятельной семьи, обеспечила себе место в каком-нибудь престижном информационном агентстве. Папа – президент фамильной компании по производству самогона... тьфу, классического ирландского виски. Двоюродный брат – вице-президент одной из ведущих фирм по разработке программного обеспечения. Считается, что человеку западному семья не так важна, как русскому. Хрена с два, гораздо важнее у них семья. Другое дело, что у них птенцы, вылетая из гнезда, пытаются всячески самоутвердиться. Так в дореволюционные времена это и в наших хороших семьях было принято и носило название периода великовозрастного балбесничанья. Правда, для Тары наши отношения оказались гораздо важнее, и это при общей раскрепощённости европейских дам... С другой стороны, я в их системе ценностей никто и звать меня никак. Даже гражданство у меня – Туамоту».

Зим усмехнулся. Два года назад вопрос о гражданстве всей четвёрки – двух компьютерных гениев, полярного лётчика и профессионального охотника, перебежавших из преследовавшей их России в Японию, обсуждался на самом высоком уровне, включая японский МИД и американский Госдеп. Компьютерные мальчики приняли американское гражданство в результате какого-то очень многоступенчатого торга между японскими и американскими спецслужбами. Сам Зимгаевский, перепробовавший в жизни массу дел – от ведения предвыборных кампаний в родной России до работы профессиональным охотником в Хабаровском крае, подумал – подумал да и выбрал ни к чему не обязывающее гражданство в какой-то оффшорной дыре посреди Тихого океана.

«Надо же было тогда угораздить в эту переделку», – вспоминал Зим, проходя под высокими елями, окружавшими его очередное временное жилище. Действительно, история двухгодичной давности начиналась как триллер, а закончилась катастрофой. Компьютерные мальчики узнали об упавшем во время войны недалеко от побережья Охотского моря самолёте, вознамерились вывезти его из тайги и продать любителям редкостей. Для поисков самолёта они наняли Зима и его близкого друга – полярного лётчика Игоря Ухонина. На всеобщую беду, на борту самолёта находились документы, свидетельствовавшие о сепаратных переговорах между СССР и гитлеровской Германией в 1942 году – в самый разгар Великой Отечественной войны. И, согласно приказам, отданным ещё в то, чёрт знает насколько далёкое время, вся мощь современной России была мобилизована на уничтожение людей, случайно коснувшихся этой «Тайны тайн». В итоге участники «мероприятия» сумели при помощи группы охотских аборигенов бежать с территории Российской Федерации на территорию Японии вместе с документом X. Правда, попутно пришлось немного повоевать.

«Теперь я здесь, обновляю своё журналистское образование. А Ухонин где-то в Центральной Америке возит кокаин на самолётах российской постройки. Что до Туамоту – надеюсь никогда её не увидеть, эту новую родину, – хмыкнул про себя Алекс, взявшись за ручку своего съёмного домика в еловом лесу, поразительно напоминавшего большую промышленную избушку. Такими домиками – в английском варианте *cabin* – были утыканы все окрестности университетского кампуса. Они сдавались за мизерные деньги, около трёхсот долларов в месяц, аспирантам и студентам и представляли собой американизированный вариант сараев сочинских пригородов. – Представляю себе: попадаю в какую-нибудь неприятность, обращаюсь в посольство, а они мне – не тревожьтесь, господин Зимгаефский, пришлём вам в защиту шамана и пирогу воинов...»

И тут он понял, что в доме кто-то есть.

Как у большинства одиночек, у Зима было сильно развито шестое чувство тревоги. Подавляющее большинство перемен он старался истолковывать в худшую сторону, а жизнь в непредсказуемой окружающей среде (какой была ельцинская Россия) заставляла относиться к изменениям и сдвинутый коврик у порога, и выпавшую из дверного косяка зубочистку. Зим не относил себя к параноикам, но обстоятельства его бегства из России на рыбацкой шхуне безногого капитана были таковы...

Зим открыл дверь и секунды три постоял на пороге.

– Могли бы и свет зажечь, – посетовал он в темноту. И сам щёлкнул выключателем.

Посреди комнаты в кресле, приобретённом по случаю за десять баксов на распродаже в Value Village, сидел человек. Мужчина интернациональной внешности, как сказала бы Тара. Зим затворил за собой дверь и встал вплотную к раздвигающейся двери встроенного шкафа.

– Меня зовут Макс, – произнёс незнакомец по-русски, даже не приподнимаясь. – Какое-то странное чувство – будто вы меня ждали.

– Вас, не вас, но вы правы – *чувство* было, – Зим оперся на шкаф, не собираясь садиться. Сколько бы времени ни занял этот разговор, он проведёт его стоя.

– И что же это за чувство? – поинтересовался Макс.

«Интеллектуал. Не из башкосоков. Глаза запоминающиеся – голубые, с искоркой. Ноздри чуть широковаты. Подбородок иронично-волевой, французский. Станный парень, я думал, в их Службе серый цвет относится к необходимым профессиональным качествам...»

– Вынужден вас огорчить – это явно не чувство вины.

– Вы убьёте или вас убьют, – покачав головой, произнёс Макс. – Знакомая аргументация. К сожалению, её придерживается и кое-кто из моего начальства. Собственно, потому я и здесь. Поэтому мои личные впечатления я оставляю на конец нашей беседы.

– А она что, будет продолжительной? – удивился Зим. – Здесь, между прочим, свободные Североамериканские Штаты. Хотя сейчас не холодная война, мне достаточно нажать на сигнальную кнопку телефона и сказать, что меня преследуют агенты ФСБ. И вам придётся познакомиться как минимум с заместителем шерифа Бадом Олсоном.

– Я тоже не настроен на продолжительный разговор с вами. И главное, что мне необходимо сделать, это довести до вашего сведения точку зрения моих руководителей. Которая, ещё раз повторю, не является моей *личной* точкой зрения. Итак. Руководство значительной государственной организации, защищающей интересы Российской Федерации (будем в дальнейшем называть её Службой), считает, что два года назад на побережье Охотского моря произошло трагическое недопонимание некой ситуации, результатом чего явилась гибель нескольких российских граждан.

«Как минимум пятнадцати», – подумал Зим, вспомнив сбитый им армейский вертолёт и нескольких аборигенов из ламутского рода Тяньги.

– Далее, – продолжал аленделонистый парень, – руководство Службы может рассмотреть ваше прошение о возвращении вам российского гражданства...

Тут Зим попытался что-то возразить, но Макс резко хлопнул ладонью по подлокотнику, явно не желая, чтобы его перебивали.

– И даже рассмотрит возможность вашего возвращения на территорию Российской Федерации. В этом случае не будет подниматься эпизод преступного соучастия Егора и Ильи Тяньги в неких противоправных действиях, повлёкших за собой гибель сотрудников Службы при исполнении ими своих обязанностей...

Зим снова попытался заговорить, но Макс ещё более решительно ударил кулаком по наборному подлокотнику из тропических пород древесины.

– Однако всё вышперечисленное осуществится в случае оказания вами содействия в одной из операций Службы. Ради успеха операции мы настоятельно рекомендуем вам при-

нять предложение International Executive News – стать корреспондентом этой сети в свободной и независимой Республике Казахстан. Куратором этой операции являюсь я. Обо всём дальнейшем я вас проинформирую в своё время.

Макс, закончив говорить, резким движением встал из кресла, не опираясь на подлокотники, – серьёзный фокус, указывающий на отличное владение своим телом и накачанный брюшной пресс.

Он сделал шаг навстречу Зиме и заговорил, обдавая его лицо мятным запахом какой-то дурацкой жевательной резинки.

– А теперь слушай меня, и уже – лично! Для меня ты – хренов космополит, которому совершенно по барабану, где и на кого работать. И мне на это было бы плевать, когда б не одна совсем ещё не старая история. Ты – не вздумай отрицать! – ты лично, своими руками убил четырнадцать наших пацанов! Эти люди выполняли перед государством свой долг, и человеку, подобному тебе, никогда об этом понятия иметь не придётся! Лично от меня прощения тебе нет и не предвидится! Поэтому – и запомни! – если у меня в ходе операции возникнут хоть малейшие сомнения в твоих действиях – я тебя убью! Если мне не понравится твой косой или прямой взгляд – я тебя убью! И в любом случае, в тот момент, когда я – запомни, лично я – решу, что ты нам больше не нужен, – я тебя убью!

Оба мужчины были одинакового возраста – где-то чуть за сорок – и роста и глядели друг другу глаза в глаза – голубые, искрящиеся глаза Макса, казалось, утонули в чёрных, бездонных зрачках Зимгаевского.

– Как вам будет угодно, – безразлично пожал плечами Зим. – Но единственное, что рекомендую не забывать – практика показала, что меня не так-то легко убить.

Макс шагнул, едва не задев Зима плечом, и вышел из комнаты.

Серой не пахло.

Зим чуть-чуть подумал, затем отодвинул дверь шкафа-купе. Из-под пачки джинсовой одежды на средней полке он вытащил кобуру с пистолетом, купленным им шесть месяцев назад у объездчика индейского ранчо. Он вынул пистолет из кобуры – массивный Кольт 1911A11, матово-серого цвета, цвета борта военного корабля или акульей кожи. Затем заткнул себе кобуру за пояс и, чуть помедлив, выхватил пистолет из чехла, воткнув его мушку в спинку стоящего кресла – того, откуда только что поднялся его странный ночной гость. Проделав это несколько раз, Зим, удовлетворённый, положил пистолет обратно.

Посёлок Пичан. Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика

Примерно в одно время с ахунем Кахарманом Фархиди другой ахун, Ясин Мухаммат, на основании аналогичных умозаключений пришёл к совершенно противоположным выводам.

Ясин Мухаммат тоже был очень старым и уважаемым человеком. Он также присутствовал на встрече у Тохти Тунъяза, и встреча эта произвела на него самое удручающее впечатление. Ссылки на Аллаха и Его Книгу Ясина совершенно не убедили. Он сам принадлежал к Умм-аль-Китаб, то есть людям, которым дано читать по-арабски, и даже выезжал в Пакистан, где был принят улемами в медресе Аз-Хабр. Происходило это сразу после смерти Великого Кормчего, когда ЦК КПК разрешил мусульманам Китая контакты с их единоверцами в ближайших странах. С точки зрения Ясина Мухаммата, Аллах устами пророка призывал к миру, а за меч надлежало браться лишь в случае крайней необходимости. Аргументы ахуна Тохти о переселении ста миллионов хань-су в Синьцзян также не произвели на Ясина должного впечатления.

Действительно, поток ханьцев, переселяемых из центральных районов Китая, превосходил всякое воображение. Но ахун Ясин видел и другое: хань-су создавали города и селились в местах, где уйгуры до этого не появлялись. Территория Синьцзян-Уйгурского автономного района была в совокупности больше, чем территории каких-нибудь Франции, Германии, Польши и Италии, вместе взятых. Хань-су строили новые города и занимались в них теми делами, которыми уйгуры не занимались вовсе. Они разрабатывали горы, добывали руду, качали нефть, выплавляли железо, изготавливали электронику, строили автомобили... Они совершенно не посягали на оазисы уйгуров и даже, напротив, всячески помогали их благоустраивать. Налаживали ирригацию, в последнее время применяя такие поистине чудодейственные методы, что не только у старых – у молодых кружилась голова. Именно хань-су не только разрешали строить мечети – часть из них даже строили сами!

А разве первым секретарём районного комитета компартии сегодня не является уйгур?

С точки зрения ахуна Ясина, с хань-су вполне можно было договориться. Менялся весь мир, менялся и Хань, и Ясин это хорошо видел.

Проблема была в одном – хань-су было *слишком* много...

А что предлагал этот безумный улем из Англии?

Ответ был очевиден – гражданскую войну.

Именем Аллаха он обещает её успех.

И это возможно: Аллах велик, и Мухаммед – пророк Его...

Кроме того, у Измаила Башири был план, и этот план тоже сулил успех – хотя бы на первых порах.

Возможно ли осуществить это сейчас?

А главное – нужно ли это делать?

И здесь Ясин Мухаммат замирал в сомнении.

Начало партизанской войны повлечёт за собой массовые репрессии со стороны хань-су. И эти репрессии будут весьма и весьма масштабными. Молодые уйгуры хотят свободы, хотят работы, но более всего многие молодые уйгуры хотят просто повоевать. Они просто не знают, что это такое.

Ахун Ясин считал, что любая новая война начинается не из-за земель, золота, женщин или баранов.

Она начинается именно тогда, когда молодёжь забывает про предыдущую войну.

А сейчас у уйгуров наступали именно такие времена.

Другим сомнительным моментом в глазах ахуна Ясина было приглашение в страну иноземных воинов Аллаха. Часть из них уже находилась в стране. Некоторые чужаки очень походили на тангутских разбойников, каких ахун Ясин видел в годы своей молодости, до оккупации Хань, но часть выглядела кадровыми офицерами, которыми командовал настоящий генерал. Конечно, их пока очень мало, но с началом беспорядков в стране их число увеличится...

С другой стороны, хань-су в последнее время выступали вполне вменяемыми собеседниками. Так не проще ли улучшить положение соплеменников мирным и дальновидным путём: предоставить хань-су информацию о готовящемся выступлении в обмен на политические уступки?

Существовал ещё один путь усилить позиции мусульман Синьцзяна. И это касалось не только уйгуров, но и дунган, казахов, узбеков...

Сила, сокрытая под снегами Тянь-Шаня, снова могла быть вызвана к жизни. Но она могла всё и уничтожить.

Насколько знал ахун Ясин, эта Сила за время существования человечества всего три раза вызывалась к жизни. И каждый раз мир переворачивался с ног на голову и некто один завоёвывал половину его.

Нужно ли это сейчас?

Ахун Ясин Мухаммат торопливо зашёл в маленькую хижину, куда его пригласили для того, чтобы он вправил ногу пастуху-киргизу...

На камне, заменявшем стол, сидел очень высокий и худой человек. Увидев Ясина, он утверждающе кивнул кому-то стоящему у двери, прямо за спиной ахуна.

Высокий человек – генерал Омар Захриви аль Убейда – не умел читать мысли и не мог догадываться о предстоящем доносе властям. Он просто следовал непреложному правилу, с которого начинались все гражданские войны во все времена: сперва надо уничтожить колеблющихся на своей стороне.

Санта-Моника. Народная Демократическая Республика Гурундвайя

Международный аэропорт Республики Гурундвайя выглядел именно как результат пресловутого «пикника на обочине». Только пикник проводила западная цивилизация, а обочинной служили самые настоящие центральноамериканские джунгли. Возле длинной, коричневой, грязной и кривоватой взлётно-посадочной полосы некто громадный насыпал кучу различного мусора техногенного характера. В глаза бросались какие-то решётчатые конструкции – то ли башни, то ли мачты, то ли сторожевые вышки а-ля «Архипелаг ГУЛаг», листы рубчатого железа, какие-то панели и двери, то ли тряпки, то ли флаги, и огромное количество каркасов автомобилей. И только при пристальном наблюдении эти листы рубчатого железа, двери и панели, начинали в вашем воображении соединяться в единые постройки: пять-восемь арочных ангаров, свалка коробок, представляющих собой сам аэропорт, вышки и радары. А ещё позднее среди остовов разобранных автомобилей можно было различить и вполне «живые» машины.

Зим выбрался из чрева транспортного самолёта прямо в обволакивающий мокрым паром воздух тропического леса. На аэродроме царила непривычная тишина, только звенели остывающие кожухи моторов над головой.

– Погоди, Чако! – попросил Зим пилота, подбросившего его до Санта-Моники за две-сти пятьдесят долларов наличными. – Буквально минут десять. Что-то я никакой жизни здесь не наблюдаю.

– Маньяна, – хихикнул Чако, крупный усатый потомок конкистадоров и беглых итальянских фашистов, и полез на крыло. Спать. Он вёз калийную селитру в какие-то горные рудники в Андах.

Неожиданно один из автомобильных остовов ожил и довольно шустро выехал прямо на взлётную полосу. Здоровенный сарыч, венчавший одну из высоких решётчатых конструкций неизвестного назначения, лениво расправил крылья, но раздумал взлетать. Ленъ была разлита в самом здешнем воздухе.

Зим с интересом разглядывал приближающийся рыдван. Верх этой старинной Toyota Camry 1987 года был срезан сваркой так, что оставался лишь контур лобового стекла, который, чтобы не упасть назад, был расчленен двумя ржавыми уголками. Зим с нескрываемым скепсисом смотрел на мрачного типа в авиационных зеркальных очках и панаме за рулём этого чуда.

Из джунглей послышался дикий рёв доисторического чудовища. Зим оглянулся. Заросли раздвинулись, и из них, надсадно завывая четырьмя двигателями, выползал кое-как вымазанный оливковой краской военно-транспортный «Геркулес». «Наверное, приставка „военно-“ осталась в далёком прошлом», – решил Зим и вновь повернулся к автомобилю.

Его водитель (или владелец?), высокий, атлетически сложенный мужчина среднего возраста, уже вышел на полосу и с распростёртыми объятиями кинулся к Алексу. Тот демонстративно выставил вперёд ладонь.

– Кошмар какой, – проговорил Зим сокрушённо. – Не ожидал, что когда-нибудь доведётся увидеть тебя нестриженным и небритым. Тем более в трусах.

– Это шорты, варвар, – Ух всё-таки стиснул его каким-то орангутанским объятием. – Ну, где твои шмотки?

– Шмоток у меня, как всегда, один рюкзак, – вздохнул Зим. – Здесь какая-нибудь таможня есть? Я же вроде из-за границы прилетел?

– Адуана? А на хрена она тебе?

– Штемпель поставить.

– Давай паспорт.

Ухонин полез в бардачок своего автомобильного монстра, вынул оттуда квадратный штамп, прямо на капоте ловко вклеил его на страницу с визой Народной Демократической Республики Гурундвайя и после этого скороговоркой спросил:

– Наркотики, оружие и чего там ещё – есть?

– Да, блин! – восхитился Зим. – Надо было мне гурундвайское гражданство у японцев просить. Отродясь не видел в аэропорту столь упрощённой процедуры пересечения границы.

«Геркулес» проревел над их головами и исчез за чернильно-зелёной линией холмов.

– Когда-нибудь я разбогатею, – сказал Ух, – и поставлю в каких-нибудь джунглях памятник «самолёту неизвестной авиакомпании».

– У тебя-то самого известная компания? – поинтересовался Зим, скорее уж для проформы. Но Ух воспринял эту проформу вполне серьёзно.

– А как же! «Генераль Энтрапрадо авиасьон эль Пуэбло Унидо»! Любому негру преклонных годов в треугольнике Белиз-Каракас-Асунсьон знаком стрекот моего Ан-2. Но ведь ты здесь в командировке, насколько мне известно?

– Скорее на стажировке, – поправил Зим. – Это моя стажировка в агентстве International Executive News. Типа визит мужественного журналиста в логово наркомафии. Мне здесь какие-нибудь картинки бы сделать. Пеона какого-нибудь, который растит коку. Плантатора вроде Рамона Эскобара. Честного мента...

– Да, я помню, ты мне писал об этом. Найдём всё, кроме последнего. Но его можно выдумать. Всё равно хрен кто зайвится сюда проверять, честный этот мент или нет. Запрыгивай.

– Ну и тачка у тебя здесь, Ухонин...

– А на хрена здесь что-то хорошее заводить, – искренне удивился Ухонин и смешно пошевелил короткими рыжими усиками, отчего стал похож на пана Володыевского, – всё равно всё сгниёт на хрен. Тропики, блин! Но я понял, что написал ты мне не всё?

– Ну да... Блин, и сиденья мокрые.

– Дык сезон дождей, варвар. Поедем-ка в моё бунгало.

Псевдокабриолет Уха въехал в джунгли, и только тут Зим понял, что это на самом деле, скорее всего, пригород. Под деревьями то тут, то там торчали каркасные домики, висело бельё, бегали и с упоением играли в мяч коричневые и шустрые, словно тараканы, ребяташки.

– Тебе, эта... Печать таможенную не надо в порт завезти?

– Зачем? – искренне удивился Ух. – Это моя. Личная. А вот и бунгал мой скромненький.

Скромное бунгало Игоря Ухонина, в прошлом полярного лётчика, а ныне центральноамериканского предпринимателя, представляло собой модульную щитовую конструкцию под красной крышей из пластиковой черепицы, установленную на сваях, с высоким плантаторским крыльцом, с огромными окнами, защищёнными жалюзи.

– Да... Дачка у тебя здесь, определённо, самая высокая в квартале.

– Не только в квартале, но и во всей восточной части города. Это мы в город въехали, не в джунгли. Санта-Моника, ферштейн?

Внутри это строение выглядело значительно презентабельнее, нежели снаружи. Светлые строгие стены контрастировали с тёмной мебелью в стиле «техно», светильники скупоблещивали никелированными ободами.

– Здорово, – улыбнулся Зим. – Приятный интерьер. Ничего лишнего.

– Это у меня приёмная зала, совмещённая с кухней, естественно. Дальше – спальня и библиотека. Я в Асунсьоне и Каракасе замечательную коллекцию русских книг собрал.

– А сколько у тебя вообще комнат-то?

– Пять, плюс две ваннные комнаты с туалетами. Кстати, одна из них прямо и направо. Зим кивнул и проследовал в указанном направлении. Через секунду он вернулся несколько обескураженный.

– Что там? Змея?

– Нет. Погляди сам.

Ухонин заглянул в чистую, отделанную розовым пластиком ванную комнату. В раковине сидел здоровенный, с кулак, волосатый паук и злобно шевелился.

– Тьфу ты, чего так робко-то! – Игорь выскочил на кухню и вернулся оттуда с бутылкой водки «Смирнофф», из которой плеснул полстакана на нарушителя спокойствия. Паук попятился и исчез в сливном отверстии.

– Эк ты его, безжалостный, – с осуждением произнёс Зим.

– Нарушает конвенцию, – хмыкнул Ух. – Жил бы под полом, ничего бы не было. Зато он у меня мышей ловит.

– А мне водки налить слабо?

Когда Зимгаевский вышел из душевой, стол в «приёмной зале» был сервирован широкими плоскими тарелками, а посреди стола стояла жаровня, в которой скворчал огромный кабаньей окорок. В дверях стояла большеглазая смуглая тонкая женщина, которая, увидев Зима, с улыбкой поклонилась.

– Мария, – представил её Ухонин.

– Como esta usted? – поклонившись в свою очередь, обратился к женщине Зим.

– Muy bien. Habla usted ingles?

– Устед, устед, – вмешался Ухонин. – Сейчас только на нём и «устед». Мария – дочь управляющего рудником, он нортеамерикано, так что за столом можешь уверенно пользоваться английским.

Обед, состоявший из замечательных бобов и не менее замечательной свинины, прошёл исключительно на английском языке. По его окончании Ухонин достал бутылку «смирновки» – ту самую, которой он травил паука – и поставил на стол. Мария исчезла где-то в задних комнатах.

По окнам барабанил дождь.

Ухонин налил.

Они молча выпили.

– Ну как ты в целом? – нарушил молчание Зим.

– Ну... Если учитывать, как мы улепётывали из России, то выше среднего. У меня здесь два самолёта. Я же когда-то и продал их в эту дыру. Работы хватает. Немногие рискуют летать в здешних условиях.

– Что, так хреново?

– Да не то чтобы очень... Просто приучился всё делать сам. Сам себе и диспетчер, и механик, и рабочий на взлётной полосе. А ещё грузчик, укладчик груза, заправщик.

– И таможенник, – усмехнулся Зим. – «Дури» много возишь?

– Примерно половину от общего объёма. В опасные места я не летаю. Ну, там где федералы или хефе какие-нибудь. У меня другая специализация – полёты в сложном рельефе при плохой видимости. Я груз только до здешнего аэропорта добрасываю, а там они его уже сами...

– На «Геркулесах»?

– Нет, этот какие-то бульдозеры на рудник привёз. Дурь возят мелкими грузовиками, чаще на «дугласах» военного времени.

Зим кивнул. «Дуглас» DC-3 был, по версии какого-то журнала, признан «самым совершенным техническим достижением XX века». Судя по всему, эти самолёты продолжали свою более чем 50-летнюю службу на просторах Месоамерики.

- Лучше, чем на Севере?
- Да вряд ли. У нас там высоты в две тыщи метров редкость. Здесь же всё время приходится крутиться более чем на трёх. Потоки всё время срываются. Условия сложнее, чего говорить. Но и платят более чем прилично.
- Девица-то откуда?
- Она не девица. Она донна. Да мы у Куэваса познакомились. К нему мы завтра поедим. Представляешь, он устраивает вечеринку в твою честь! Он здесь мэр, пэр, хер и всё такое. В Штатах его бы назвали наркобароном. А здесь у него что-то вроде светского общества.
- Как ты ему про меня объяснишь?
- Да так прямо и объясню. Он уже предупреждён, вообще – то. Покажут тебе и кокаиновые плантации, и пеонов, и, может, даже цех по производству. Эти ребята сейчас озаботились своей репутацией. Им не нравится, когда их держат за парий. А внятный журналист сейчас большая редкость. Поэтому, если ты не будешь давать GPS-координаты их производственных мощностей, то тебе могут показать многое. Ну и потом, я же здесь остаюсь... Вроде как заложником твоих писаний.
- Ладно, заложник чести... Тебя тут как... Компатриоты не беспокоят?
- Ну, русские здесь есть... А что? – Ухонин резко посерьёзnel.
- Нанесли мне визит. Прямо в Штатах. Причём в моей-то глуши...
- Зим коротко пересказал историю появления незнакомца в кампусе.
- Ну и... Ты ментам тамошним что-нибудь рассказывал?
- Да ну... Я даже Оноши в известность не поставил.
- Исходя из того, что ты работаешь, можно сказать, «по их рекомендации», позволено сделать вывод, что «предложение» их ты принял...
- Я, в общем-то, сейчас и приехал к тебе обсудить две вещи...
- Если ты имеешь в виду место, куда эти друзья не смогут добраться, то это явно не тут.
- Нет. Такого места я не ищу. Собственно, я его знаю – это Японские острова. Заметь, это хорошо понимали наши компьютерные приятели, которые остались там, судя по всему, навсегда.
- Да, пожалуй, это сегодня единственное место, где иностранные спецслужбы любого государства ещё могут ощущать неудобства. Глобализация, однако.
- Ты ещё Северную Корею забыл...
- Нет, как раз не забыл. Но эта страна не является частью глобального сообщества, не правда ли? А японцы настолько изолированы именно в культурологическом смысле, что там не только долго жить в автономном режиме, а даже работать «на всём готовом» для человека романской цивилизации затруднительно. Ну а уж существовать европейцу самому по себе в тамошнем социуме, за пределами нескольких мегаполисов, имеющих *слегка интернационализированную* структуру, практически невозможно. Даже Китай, особенно на своём западе, в Синьцзяне, – очень многонациональная страна. Кроме того, тамошнее население настолько многочисленно, что даже коммунисты не в состоянии эффективно его контролировать.
- Это коммунисты-то не в состоянии что-то проконтролировать?
- По крайней мере, так я слышал от китайцев. В любом случае, в культурном отношении Китай – страна гораздо более открытая, чем Япония.
- Да уж. Вите и Серёже не позавидуешь...
- А нам?
- Но мы-то как раз решили, что сможем за себя постоять.
- Ты думаешь, что пришло время это доказывать?
- Пока ещё нет. Я просто хочу предупредить тебя о возможности такого визита.
- А сам-то ты что собираешься делать?

– Если честно – мне скучно, бес... Поэтому я хочу хотя бы краем глаза посмотреть на эту их так называемую Большую Игру.

– Ну-ну, – скептически покачал головой Ухонин. – Гляди, в следующий раз некому будет организовывать тебе спасательный круиз на браконьерском катере...

Алекс Зим. Ассинибойн-Сити

Тара встретила Зима по его возвращении в аэропорту. Она уже знала, что результаты поездки были признаны IEN, компанией, в которую Зим подавал резюме, более чем удовлетворительными, а значит, он сам со дня на день получит назначение в её центральноазиатский корпункт. Расставание, предопределённое с самого начала их встречи, надвигалось, приближалось вплотную и, судя по всему, его приближение отнюдь не радовало женщину. Несмотря на то что Тара была вполне самодостаточной дочерью какого-то третьестепенного вискарного короля острова Эйре, ей в тридцать лет уже хотелось какой-то определённости в личной жизни. Два года назад, повстречав Зима, она решила про себя, что это будет её последний роман, после которого она займётся поисками достойной партии.

Алекс, в свою очередь, с самого начала аспирантуры взял себе за правило не обращать внимания на американских женщин. Опытные люди подсказали, что простая попытка ухаживания за американкой может повлечь за собой обвинение в сексуальном домогательстве – с последующим судебным иском. На счастье, в университете штата Маскегон, как и в любом другом американском университете, училось огромное количество студенток и аспиранток из самых разных стран мира – от Кении до Аргентины.

С Тарой он познакомился на какой-то интернациональной вечеринке, где она поражала политкорректных американцев умением пить виски «в один глоток».

– Мои предки делали виски восемь поколений! – гордо заявила она. – Во мне кровь наполовину смешана с виски, так что же сделается от двух или трёх стаканов нашего фамильного зелья?

Зим глядел на это представление несколько скептически, пока ему не пришла в голову идея подсчитать порции. На какой-то миг он задумался, а затем принял вызов. Отвозя бесчувственное тело Тары к ней на квартиру, он оставил у изголовья записку, предлагавшую матч-реванш на территории ресторана «Голубая сойка».

Первый год их романа они жили отдельно, и лишь под новый 2005 год Тара переехала в домик Зима, оставляя за собой, правда, комнату в общежитии, оплаченную университетом.

Несмотря на некоторую властность, выработанную положением единственной дочери одинокого отца, Тара обладала замечательно лёгким характером, была заводилой в компаниях и, что немало удивило Алекса, сразу же проявила себя противником излишеств в выпивке. Иногда на неё накатывали волны грусти, и она могла просидеть ночь напролёт у открытого окна, глядя на серебриющиеся под месяцем вершины Тетонских гор. «Грусть, как и виски, в крови у нас, ирландцев», – объяснила она Зиму в одну из таких странных ночей, когда неведомая тоска носилась в воздухе, крыльями касаясь сердец. «Нельзя мешать действию ни того, ни другого, тогда и виски и тоска исчезнут из нашей крови с первыми лучами солнца».

Она подбежала к нему, едва он показался из коридора-рукава, соединявшего здание аэропорта с самолётом, обняла и поцеловала в губы. Сжимая в руках её тонкое, упругое тело, Зим в который раз поймал себя на мысли, что ему очень не хочется с ней расставаться.

Все четверо суток до отъезда Зима в Алматы они провели вместе. Зим оформлял документы, писал последние статьи по материалам, привезённым из Гурундвайи, заполнял анкеты, собирал вещи. Тара почти не разговаривала с ним, сидела на кровати, обхватив ноги и поджав колени к подбородку, словно зеленоглазая, рыжеголовая птица. Бесшумной тенью садилась за руль автомобиля, если это было необходимо, отвозя на почту конверты и пакеты. В какой-то момент, когда Зим зашёл в комнату, он застал её разглаживающей уложенные на постель джинсы и поющей при этом вполголоса какую-то странную, протяжную, гортанную песню.

– Это старая песня Эйре, – сказала Тара, вздохнув, когда обнаружила его присутствие. – Ею женщины моего рода провожали в набеги своих мужей. И те часто не возвращались из своих набегов. В этой песне говорится про то, что задача женщин – спасти мужчин от создаваемого ими мира. И ещё в ней сказано, что женщины в этой борьбе обречены на неудачу.

И заплакала.

Алекс Зимгаевский, он же Зим. Алматы, суверенная Республика Казахстан

Зим прилетел в Алматы с минимумом вещей. В этот минимум входили: ноутбук, несколько смен одежды, видеокамера с микрофонами и штативом, предоставленными агентством, и несколько любимых книг на русском языке. Вообще, у Зима в любой точке планеты, где бы он ни жил, постепенно скапливалась вполне приличная библиотека. Так произошло и в Ассинибойн-Сити. Перед отъездом он тщательно рассортировал книги, часть из них выложил на общественный книжный развал, а другую часть аккуратно запаковал в ящики и оставил на длительное хранение у помощника шерифа, добавив полторы сотни долларов.

– Бадди, как только я обрету что-то похожее на свой угол, то попрошу тебя выслать мне эти ящики почтой.

Бад Олсон почесал бритый, отвисший подбородок – такой, какой и должен быть у деревенского шерифа Среднего Запада.

– Зим, а может, ну его на хрен, этот Пердистан, или куда там ты уезжаешь? Становись очередным русским профессором, будешь мыть мозги нашим недоумкам. Их у нас много, без работы не останешься. Или – вот ещё – если тебе уж так надоела наша грёбаная жизнь, можешь устроиться объездчиком к моему другу, Чикку Махоуни. Проживёшь год как ковбой, может, что у тебя и встанет в голове на место. Да и вообще – женись на Таре, девка хорошая...

То, что Тара – «девка хорошая», Зим в эти дни, предшествовавшие расставанию, даже не сомневался. После того как она над его вещами пела грустные ирландские песни, поведение её, вопреки традиционным мужским ожиданиям, изменилось. Тара вновь обрела свою смешливую уверенность в себе и вела себя так, будто никакой разлуки и не предвидится.

– Всему своё время, Бад, – Зим похлопал своего друга по плечу. – Предложение поработать ковбоем, конечно, неплохое, но разве я и так не ковбой?

– Весь мир делится на две части: мы, ковбои, и все остальные, – согласился помощник шерифа Олсон. – Береги себя.

В аэропорту Алматы Зима встречал сам глава корпункта Майк Эллисон.

– Привет, Алекс! – они разговаривали несколько раз по телефону из Сан-Франциско, где располагалась штаб-квартира агентства, и один раз встречались – после того, как Сэмюэль Тёрнер, директор агентства, решил, что Зимгаевский прошёл испытательный срок, сразу после его командировки в Гурундвайю. Майк был ширококостным высоким мужиком (эдаким мужланом), с широким, «лопатой» лицом и неизменными мешками под глазами – следствием попытки вести активный образ жизни во всех часовых поясах сразу – что, впрочем, было совершенно неизбежно для человека, постоянно передающего информацию из Восточного полушария в Западное. В своей речи он компенсировал избытком ругани свои напояженные репортажи.

Эллисон встречал его на арендованном «мерседесе» выпуска середины восьмидесятых годов, который выглядел примерно как танк, только что вышедший из Курской битвы. На его жёлтом, оставшемся от таксистского прошлого борту была трафаретом нанесена эмблема IEN: журавль с запрокинутой назад головой.

– Какой-то мудака-дизайнер сумел внушить старому пердуну Тёрнеру, что журавль таким образом оповещает весь мир о случившихся событиях. На самом деле так журавль оповещает весь мир о том, что ему хочется трахаться. Но дизайнер был не только мудаком, но и педерастом, а Тёрнера эти вопросы не интересуют уже лет двадцать, и они порешили эту сексистскую птицу сделать эмблемой компании. Ладно, во всяком случае я ничего не имею против.

У Майка были все причины радоваться приезду Зима. Худо ли бедно ли, а новый сотрудник свободно владел русским, английским и испанским языками, знал сотню слов по-туркски – и этого было более чем достаточно для работы в центральноазиатском корпункте. Кроме того, Эллисон надеялся, что Зим проявит должное честолюбие и в самое короткое время займёт его место, а сам он... А сам он улетит из этой грёбаной дыры куда-нибудь к чёртовой матери. Хоть в Исламабад, хоть в Карачи. Эллисон тоже был ковбоем...

По дороге в город Эллисон вводил Зима в курс происходящего. Впрочем, Зим и сам многое уже знал.

– Наш корпункт весьма невелик. Два журналиста: ты да я, одна секретарша на двоих – если её годы так же поделить пополам, она бы могла нам понравиться... В смысле, как женщина, а как секретарша она хороша и сейчас. Специалист по технике и связи, а также водитель, который у нас самый главный. С камерой стоим мы сами. Ну да это для тебя не в новинку.

– Самый главный – водитель? Это круто, – Зим усмехнулся, вспоминая российские реалии. Интересно, как их воспринял этот, похожий на ковбоя Мальборо, парень.

– Вообще, мы перебравили полтора десятка водителей. Проблемы были без исключения со всеми, и Талгат тоже не исключение. Просто у него хороший характер, он неплохо говорит по-английски и уж очень угрожающе выглядит.

Зим снова хмыкнул.

– Ты даже не представляешь, как это способствует работе в центральноазиатском регионе, – рассмеялся Эллисон. Я расскажу тебе с десяток историй, закончившихся для нас хорошо благодаря тому, что нас сопровождал водитель с внешностью бодигарда Рамона Эскобара. Связист-техник Джим Аронсон – наш, он из Колорадо-Спрингс, сюда перебрался из Ботсваны.

– А аппаратура для передач у нас тоже своя?

– Мы арендуем её у SkyNet News. Ну, в принципе, своя.

– А где ты живёшь, Майк?

– Вообще-то мы стараемся жить в одном углу, и даже в одном квартале. Одно время мы с Джимом даже снимали одну квартиру на двоих. Но ему надоели мои девки, и он съехал в соседний подъезд. Здесь нет коттеджей, а в основном многоквартирные дома, как эти.

Автомобиль выехал на проспект Абая.

– Не надо мне рассказывать, – рассмеялся Зим. – Я вырос в этой стране.

– В этой? – Эллисон выкатил глаза.

– Тогда она называлась Советским Союзом.

– Так ты – русский? Когда оформляли контракт, я читал, что ты закончил Московский Университет, но при этом имеешь какое-то труднопроизносимое гражданство...

– Это длинная и не очень интересная история. А этнически я гибрид русских, немцев и поляков.

– Значит, русский... А по выговору и не скажешь.

– Я способный. Вообще-то у меня есть мечта – начать здесь говорить по-китайски.

– Китай – это отдельная тема, Алекс. В принципе, мы все здесь считаем, что Китай мог быть главным ньюсмейкером в регионе. Но Китай так не думает. Любая поступающая из Китая информация строго дозирована. Кроме того, Китай не любит допускать на свою территорию неаккредитованных журналистов. Конечно, все мы, и я в том числе, побывали там как туристы. Но новостей от этого не прибавляется. В Китае разрешено многое. Ты там можешь работать как фотохудожник, рисовать картины, даже быть грёбаным буддийским паломником – видит бог, они до такой степени изменились, что даже это разрешают. Но только одного ты не можешь себе позволить совершенно точно – быть грёбаным собирателем новостей. Более того, китайцы очень злопамятны, и если какая-то несанкционированная

информация просочится от тебя в мировую прессу, ты этим можешь очень надолго закрыть себе дорогу в Поднебесную.

– Стало быть, решено, – снова усмехнулся Зим, – в ближайший уик-энд я еду в Китай туристом.

– И я ни в коем случае не собираюсь тебе в этом препятствовать, – заверил Майк. – Репортёру, подобному нам, надо учиться видеть перед собой Большую Картину. А здесь она и в самом деле очень велика. В нашем распоряжении восемь грёбаных стран, включая южные провинции России, но ключевой страной в регионе является Китай. Если ты действительно такой умный, что сможешь освоить их грёбанный язык... – Тут Эллисон прикусил свой собственный, потому что логическим продолжением фразы было «...то будешь в самое короткое время руководить нашей грёбаной конторой».

– Квартиру тебе поможет снять Талгат.

– Это наша гремучая смесь бодигарда с водителем?

– Да какой он бодигард? Просто рожа у него страшная – как у бультерьера. От него даже верблюды шарахаются.

– А что с нашими коллегами?

– Ты имеешь в виду конкурентов? Или местные СМИ?

– А местные СМИ нам не конкуренты?

– Местные СМИ не могут пёрнуть без разрешения здешней грёбаной администрации.

Они вообще никому не конкуренты, даже сами себе. Что до остальных... Ты должен знать, что президент Казахстана перенёс столицу страны на земли своего рода, они называются здесь жузами, – в город Астану. Но город этот, который при Советах был грёбанным захолустьем, от того, что его назначили столицей, лучше не стал. Представляешь, там даже сотрудники администраций президентов на саммитах здешнего СНГ зачастую живут на съёмных квартирах! Поэтому все, кто не обязан жить в Астане по долгу службы, стараются остаться здесь, в старой столице Казахстана. Местами это вполне удовлетворительный город. Он большой, в нём сосредоточено множество служб, и здесь вполне современные средства коммуникации. Если нам бывает нужно послушать казахстанских жрецов, мы едем на день в Астану и тем же вечером возвращаемся в Алматы. Но это я к чему говорю – такие умные не одни мы. Практически все серьёзные компании, если они считают необходимым за каким-нибудь чёртом держать корпункт в этом захолустье, предпочитают иметь его здесь. Помимо прочего, это очень выгодно в транспортном отношении: из Алматы легко попадаешь хоть в Бишкек, хоть в Ташкент, хоть в Душанбе, хоть в Китай. А из Астаны тебе легко попасть только в Россию. Да что я говорю, даже русские, которых их собственное начальство заставляет лизать зад казахстанскому правительству, предпочитают жить здесь. Кстати, я надеюсь, что ты легко найдёшь общий язык с их ведущими корреспондентами. У меня это не получается – грёбанный языковой барьер, понимаешь?

– А какие тут вообще основные новостные источники?

Они уже поднимались по лестнице безликого административного здания, построенного в центре Алматы в советские времена. Огромный застеклённый пыльный холл, стойка, за которой разгадывал кроссворды мрачный охранник, стена, на которой не было свободного места от досок с названиями фирм, служб, отделений, расположившихся в этом здании. В России подобные вместилища множества офисов так и назывались: «Тыща организаций». Интересно, как это будет по-казахски?

– Ну, если честно – их совсем немного. – Майк распахнул дверь из некрашеного алюминия, на которой красовалось изображение всё того же зовущего самку журавля. – Роза, знакомьтесь, это Алекс. Он то ли русский, то ли старается им казаться. Мне его, правда, впарили как американца, но он от этого вряд ли изменился. Алекс будет здесь работать. Надеюсь, он выживет меня с моего места, и я покачусь куда-нибудь дальше по шарикю. Закажи

ему сегодня визитные карточки, выдай два мобильника с местными номерами и вместе с Талгатом помоги ему снять квартиру. Желательно в ближайшем квартале. Ты знаешь, эта привычка у меня ещё с Никарагуа – свои парни должны жить как можно ближе друг к другу. А сейчас, если ничего срочного, нам надо с часок с ним пообщаться.

Роза, улыбочивая невысокая женщина с очень добрым лицом, привстала из-за стойки.

– Очень приятно, Алекс. Я бывший доцент кафедры английского языка в университете имени Абая.

– Надеюсь, в отсутствие Майка мы сможем поболтать по-русски? – улыбнулся в ответ Зим. Но эту фразу он произнёс на английском языке.

– погоди, Алекс, ты ещё наговоришься на своём грёбаном русском со всем Казахстаном, когда примешься за свою работу. А сейчас тебе надо поговорить со мной, потому что иначе ты ничего не поймёшь. – Майк затащил Алекса в свой кабинет – крохотный чулан два на три с половиной метра, где едва помещались стол с компьютером и два стула. – Два кофе, Роза!

– Стало быть, так. Конечно, существуют макроэкономические новости, вроде того нефтепровода, который Россия прокладывает в Китай. Мы освещаем их, но не очень вдумчиво – нашей американской аудитории они не интересны. Подробно и обязательно мы освещаем любые перемещения на американских военных базах в Кыргызстане и Узбекистане. Визиты высших офицеров, показательные и совместные учения – сам понимаешь. Все визиты значительных мировых политиков – они, к сожалению, не балуют этот регион своим присутствием. Здесь не юго-восточная Азия и даже не Латинская Америка. Ну и что нам остаётся – угадай?

– Как насчёт прав человека?

Майк поморщился.

– Это не тема. Точнее, не совсем тема. Я думаю, ты сам понимаешь, как тут обстоят дела с этими правами. И тем не менее мы молчим практически во всех случаях их нарушения. Здешние парни могут быть очень полезны Дяде Сэму в случае конфликта в Иране или наращивания мускулов в Ираке и Афганистане. Так что мы можем иногда позволить себе поплевать в их сторону, но не пописать. А теперь, – Майк откинулся в своём вращающемся кресле и полсекунды неподвижно глядел на Алекса, – я не такой плохой журналист. И я это тебе продемонстрирую. Прямо сейчас.

После полуминутной паузы он продолжил.

– За тобой есть какой-то хвост. Ты не обязан мне ничего объяснять, и вообще – дело твоего найма решено компанией и самим Тёрнером. Ты прошёл с ним три собеседования, в то время как я всего одно. Но учти: не вздумай, находясь на нашей службе, заниматься личными расследованиями и вендеттами. В конце концов, в твоей биографии должен быть повод для того, чтобы ты, закончив Московский Университет и имея неплохой послужной список, получил гражданство такой страны, о которой даже я узнал, только листая атлас. Но мне плевать – при условии, что это не будет мешать делу. Тебя, может, нельзя отправлять в Россию?

– По-моему, Россия не воюет с Туамоту, – усмехнулся Зим, – если ты об этом... Нет, у меня нет ограничений на перемещение по глобусу.

– Тогда ответь мне на мой предыдущий вопрос: что мы в основном отслеживаем в этой грёбаной дыре?

– Всё, что касается исламского экстремизма, и любую херь, связанную с ним.

– В самую точку. Всякую херь, связанную с этими грёбаными парнями в чалмах. И твоё знание русского нам должно очень сильно помочь. Видишь ли, все здешние парни когда-то говорили по-русски, но никогда – по-английски. Так кофе будешь?

Формальности по аренде квартиры заняли у Зима не больше часа. Благодаря активной помощи Талгата и Розы ему удалось снять двухкомнатную хрущёвку в одном квартале с корпунктом и рядом с домом, где жили Эллисон и Аронсон. Несмотря на кажущуюся сонность столицы Казахстана, Эллисон, с его богатым опытом работы в горячих точках, настаивал на том, чтобы сотрудники его корпункта жили предельно компактно.

В квартире Зима мебели практически не было: широкая тахта, стол с двумя стульями, кухонный гарнитур, холодильник и телевизор.

«Как у зицпредседателя Фунта перед арестом с последующей конфискацией», – усмехнулся про себя Зим и принялся распаковывать рюкзаки. Прощупывая верхний клапан, он неожиданно наткнулся на круглый твёрдый предмет, как будто случайно завалившийся за подкладку. На секунду он замер, затем усмехнулся.

Это был ирландский оберег, который Тара незаметно положила в его вещи.

Полковник Шергин. Москва

Макс Спадолин сидел перед столом шефа с прозрачным файлом, содержащим заключение о смерти Владимира Гельмана. Он обратил внимание на то, что перед Стариком уже лежала объёмная папка-скоросшиватель – едва ли не на тысячу листов. Папка была раскрыта, и в ней лежал всего один листочек – абсолютно чистый, безо всяких пометок.

– Ваша докладная записка – хорошая работа, Максим, – похвалил сотрудника Марк Соломонович. – Я её несколько отредактировал и отправил наверх. Под своей подписью, естественно. Когда её оттуда спустят в завизированном виде, я покажу вам, что получилось. Особенно мне было интересно читать ваши умозаключения о роли Братьев в уйгурском сепаратизме. Конечно, гадание на кофейной гуще, но гадание остроумное, и, по сути, верное. Кстати, я это всё выкинул из окончательного варианта документа. Незачем в очередной раз доводить до сознания руководства, что оно не знает, чем занимаются его правая и левая руки одновременно. Итак, что вы накопили по случаям, аналогичным эпизоду с Гельманом в Алма-Ате?

– А ведь вы удивитесь, Марк Соломонович, – сказал Максим, доставая из папки несколько ксерокопий документов. Читая их, Шергин удивлённо поднял седые брови, отчего ещё больше стал похож на того, кем никогда в жизни не был – преуспевающего профессора из престижного столичного экономического вуза.

– Итак, очень похожий случай был зарегистрирован в Москве. Три недели раньше алма-атинского. Он также связан с Центральной Азией, и человек, ставший очередной жертвой, – сотрудник рериховского центра. База китайского заповедника, где останавливалась группа Гельмана, также частично финансировалась на средства фонда рериховского наследия. Как говорит мой любимый поэт, «не страшно потерять умение удивлять, страшнее потерять умение удивляться». Но – удивили, ничего не скажешь. Вы, кстати, постарались уяснить для себя, что такое это рериховское движение?

– Ну, так... Поверхностно, посредством интернета. В общем, это какая-то недорелигия всеобщего благоденствия, вроде мунизма, только труба пониже и дым пожиже. Но, судя по всему, пользуется спросом, у неё много адептов, поддерживающих её материально. По крайней мере, в Сети она представлена очень многообразно. У этой недорелигии даже есть в собственности какая-то недвижимость, да и некоторые аспекты её деятельности вполне адекватно воспринимаются академической наукой.

– Будем надеяться, что нам и не придётся в это вникать, – хмыкнул Шергин. – Стало быть, один из сотрудников рериховского центра, профессор Александр Васильевич Никонов, шёл себе спокойно по подземному переходу от станции метро «Арбатская» в сторону Нового Арбата и вдруг взял да и помер. На месте причину смерти квалифицировали как острую сердечную недостаточность, но впоследствии, в отделении клиники, обнаружили следы удара острым предметом между основанием черепа и первым позвонком – атлантом. Реакция коллег (близких у профессора, почитай, и не было), как ни странно, сдержанная. Допрошенные все как один говорят о преследовании рериховцев со стороны «тёмных сил» и о том, что суд над ними свершится в ином измерении. Своеобразно, хотя и не ново. Демоны, ракшасы, тёмные сущности – словом, весь джентльменский набор эзотерической братии. Кстати, вы выяснили, был глубокоуважаемый Александр Васильевич Никонов настоящим профессором или каким-нибудь самозванцем?

– Ну... Серединка наполовинку, как это часто бывает у этой, как вы изволили выразиться, братии. Он на самом деле не доктор, а кандидат наук, доцент кафедры востоковедения Университета Дружбы народов. Но в какой-то сложной системе званий и титулов, принятой у рериховцев, ему присвоены учёная степень доктора наук и звание профессора.

Естественно, он предпочитал регалии рериховского общества. По крайней мере, именно их он указывал на своей визитной карточке.

– Занимался чем-то конкретным? Финансовые потоки, привлечение богатых адептов?

– Чистый «ботаник». Изучал какие-то узоры на картинах, написанных кем-то из Рерихов. Их там, кстати, целый клан, и все – философствующие художники с примесью некоторой аферистичности. По основному месту работы...

– Плюньте на основное место. Оно не важно. Значит, это не деньги. По крайней мере, на первый взгляд не деньги. А что насчёт людей, которые могли обладать таким специфическим навыком, как наш уличный убийца?

– Ну, вы и сами понимаете, что таким приёмам не учат в специальных школах. По крайней мере, в известных нам специальных школах. Для приобретения такого навыка недостаточно виртуозного владения своим телом, необходимо ещё хорошее знание анатомии. Ошибка всего в полсантиметра – и жертва дёргается, из неё бьёт кровь, она кричит... На самом деле, это очень рискованный способ устранения людей.

– Это не значит, что убийца не владеет другими способами. В любом случае, это очень опасный человек. закажите антропометристам ориентировочное изображение его телосложения. Запросите Интерпол об аналогичных случаях: худо-бедно, Казахстан – государство иностранное. Вы знаете, я вообще с великим скепсисом отношусь к сведениям о мастерах-киллерах международного класса, но чем чёрт не шутит... Кстати, практиковать он может как раз в странах третьего мира, с плохим качеством медицинского обслуживания. Специфика его действий подразумевает не очень хорошую систему здравоохранения.

Максим передал документы Старику и встал из кресла. Краем глаза он заметил, как сделанные им ксерокопии легли первыми страницами в ту пустую папку, которую майор про себя уже успел окрестить «синьзянским» делом. Но обратил он внимание на совершенно другой жест начальника: аккуратно уложив документы о насильственной смерти гр. Гельмана В. В. и гр. Никонова А. В. в файлы, Старик взял лежавший до этого в папке белый лист, нарисовал на нём крохотный четырёхугольник, не имеющий ни одного прямого угла, затем аккуратно вставил страницу на место титульного листа.

Майор Смирнов, комендант законсервированной военной базы «Мирный». Республика Казахстан

Есть в Республике Казахстан военное поселение, куда после 1989 года выводили личный состав Группы советских войск в Германии. И называется это военное поселение, естественно, Мирный. Комендант, майор Анатолий Дмитриевич Смирнов, как-то на досуге посчитал, что если все танки, выводимые из Восточной Европы, разместить на границе между Российской Федерацией и независимой Республикой Казахстан, то расстояние между бронемашинами не будет превышать трёхсот метров. Конечно, огромное количество этого весьма дорогостоящего военного снаряжения было разобрано, пошло на переплавку и под пресс. Но по сию пору на складах Мирного хранилось автоматов Калашникова, снайперских винтовок Драгунова и совсем уж экзотических по нашим временам пистолетов-пулемётов ППШ и ППС, а также трофейных МР-40 в количестве, достаточном для того, чтобы вооружить ими всё население полумиллионного города Талды-Курган поголовно. Включая женщин, стариков и грудных младенцев. Причём во время передачи военного городка властям независимой Республики Казахстан майору Смирнову удалось занизить количество находящегося на базе вооружения как минимум втрое.

К величайшему сожалению майора Смирнова, Мирный находился не в Ставропольском и не в Краснодарском краях. Хотя, кто его знает, располагайся он там, вполне возможно, Анатолия Дмитриевича уже давно вывели бы за колючую проволоку и расстреляли по приговору трибунала. Или стал бы он мультимиллионером и жил на Канарах или на Кипре.

А так его личное состояние едва достигало каких-то убогих полумиллиона долларов.

К счастью, за последние три месяца дела начали идти в гору. Судя по всему, кому-то в Китае потребовалось большое количество тех самых излишков, которые в результате простейших манипуляций с ведомостями и числами образовались на его базе в процессе распада Советского Союза.

Майор Смирнов был довольно осторожным человеком. Схема транспортировки лёгкого стрелкового вооружения через границу была им отработана до мельчайших деталей.

Раз в три дня из Мирного в Урумчи отправлялась пятнадцатитонная цистерна с высокооктановым бензином, по договорённости о реализации ГСМ с истекшим сроком годности. Предотправочный осмотр автомобиля и цистерны майор производил лично. В процессе этого осмотра он укладывал внутрь ёмкости оговорённое количество автоматов и герметически запаивал цинков с патронами. После чего ёмкость заполнялась горючим, горловина опечатывалась, и автоцистерна, за рулём которой сидел ничего не подозревающий водитель базы Бауржан Сапарбаев, отправлялась в путь.

Бензовоз Volvo преодолевал пункт пограничного контроля Хоргос, шёл триста километров до столицы Синьцзян-Уйгурского автономного района Урумчи и сливал горючее на базе по ремонту сельскохозяйственных машин на юго-восточной окраине города. Там трое рабочих-уйгуров «чистили» кузов, извлекали оттуда оружие и цинки с боеприпасами, после чего передавали их бойцам Измаила Башири.

Хозяин базы Юсупбек Вахиди присутствовал на памятном собрании в посёлке Кюнес, когда Измаил Башири призвал к джихаду своих колеблющихся соплеменников.

«Сильный человек, не боится крови, – решил Вахиди. – Может, толк и получится».

В том, что толк может получиться, его убеждали и объёмы оружия, проходящие через его станцию, и то, что это оружие пока молчало.

«Нечего размениваться по пустякам, – усмехался в усы Вахиди. – В нужный момент оно заговорит так, что на его голос откликнется весь мир».

«Центр-Рерих», Москва

Центр изучения и распространения учения «Живая Этика» Н. и Е. Рерихов, сокращённо именуемый «Центр-Рерих», располагался на первом этаже скорее старого, нежели старинного жилого здания, расположенного между Большой Ордынкой и Большой Полянкой. В Москве было ещё много таких домов – несмотря на то, что богатеющий город реставрировался и отстраивался со скоростью, почти невероятной для столицы развивающейся державы. То здесь, то там даже в центре существовали такие осыпающиеся, пропахшие канализацией, кислыми тряпками и нищетой здания. К ним и принадлежала пятиэтажка, принявшая поклонников агни-йоги, – оштукатуренный жёлтый «комод», выстроенный в начале XX века как недорогой доходный дом. Спадолин подумал, что вот такие строения, которые невозможно отнести ни к одному из господствовавших в первой трети XX столетия архитектурному стилю, и пережили в своей массе и «русский модерн», и «конструктивизм», и «неоклассику». Просто из-за своей многочисленности.

Модерном здесь и не пахло. Воняло кошачьей мочой, ржавчиной, табаком и марихуаной. Самый ярким пятном на фасаде была жёлтая блестящая доска, на которой было написано: «Общественный научно-исследовательский институт „Центр Н. и Е. Рерих“».

«Настоящий жёлтый дом», – усмехнулся про себя Спадолин, когда сопровождавший его следователь, ведущий дело об убийстве А. В. Никонова, «недопрофессора», как безо всякого сговора называли его все участвовавшие в расследовании сотрудники, нажал на кнопку домофона.

– Вы к кому? – из динамика раздался звучный женский голос.

– Милиция, – лениво проронил следователь.

– Ждите адвоката!

– Какого-такого адвоката? – с ожидаемой злостью сказал следователь. – Я – следователь Шемякин, Пётр Борисович, расследую дело по внезапной кончине вашего товарища, Никонова А Вэ...

– Ждите пять минут! Адвокат рядом, – проревел динамик голосом княгини Ольги и смолк.

– Фильмов насмотрелись, идиоты, – вздохнул следователь Шемякин – молодой, большеголовый и коротко стриженный человек с сочными, торчащими по бокам ушами. Нос его сильно выпирал вперёд, а брови поднимались кверху над переносицей, отчего у него был вечно удивлённый вид.

– У них есть что скрывать? – скорее для проформы поинтересовался Спадолин. Дело в том, что когда он первый раз повстречался с Шемякиным, тот, порекомендовав пойти «в их кубло», сразу посетовал при этом, что более сумасшедшего места в своей жизни не посещал. У Спадолина мелькнула мысль, что молодой «следак» был бы только счастлив, если бы дело забрали Органы, хотя, в теории, это и не приветствовалось руководством. Вот и сейчас он не удосужился ответить, а только страдальчески скривил лицо: типа, что тут объяснять, сами увидите!

В этот момент их окликнул сзади мелкий вертлявый человечек в норковой шубе.

– Разрешите пройти, молодые люди, – Нонна Эфраимовна, это я, Сулейман! Это к вам, что ли, ломаются? – проворковал он в динамик.

– Гоните их в шею, – проревел динамик голосом античной воительницы.

– Постараюсь, – смиренно сказал человечек и повернулся к Спадолину и Шемякину. Был он смугл, крупнонос, чисто выбрит, с резко очерченным волевым подбородком. «Дагестанец или ингуш», – сразу подумал Максим. Но несмотря на резкие черты лица, вроде бы долженствовавшие свидетельствовать о мужестве его обладателя, первое впечатление от

этого человека оставалось, как от официанта или продавца мандаринов на рынке – «чего изволите?»

Шемякин с некоторым удовольствием показал Сулейману удостоверение. Тот отреагировал на него вполне хладнокровно – типа, эка невидаль! – и только представился:

– Измаилов Сулейман Ибрагимович, адвокат общественной организации «Центр Н. и Е. Рерих». Что вы хотите от моих клиентов, товарищ следователь?

– Как вам, конечно, известно, Сулейман Ибрагимович, я веду расследование трагической гибели гражданина Никонова. В деле есть множество невыясненных обстоятельств, и я хотел бы ещё раз лично пообщаться с... коллегами покойного. В противном случае я начну вызывать их по одному в райотдел повестками.

– Прошу прощения, мне нужно проконсультироваться с клиентом, – Измаилов повернулся и зашёл в соседний подъезд.

– По мобильнику звонить будет, гнида, – с классовой ненавистью милиционера к адвокату сказал Шемякин. – Уламывать их. Оно, может, и к лучшему – в прошлый раз я полчаса под дверью стоял. Этот хоть с человеческой точки зрения понимает, что им дешевле нас сейчас пустить...

– А те? – Спадолин махнул головой, подразумевая запершихся в здании рериховцев.

– Эти не понимают ни с какой стороны, – убеждённо произнёс Шемякин. – Крышу у всех там давно сорвало.

В этот момент дверь хлопнула, и адвокат, словно мотылёк, полетел к ним, шелковисто шурша шубой.

– Нонна Эфраимовна, так мы заходим?

– Вы у них документы проверили? – проревел динамик.

– Ну конечно, ну сразу, Нонна Эфраимовна, как же иначе? – виляя задом у замочной скважины, проговорил ингушский законовед. Дверь распахнулась с металлическим щелчком, и оттуда потянуло сладким запахом сандаловых палочек.

Офис «Центра Н. и Е. Рерих» представлял собой обычную трёхкомнатную квартиру. Стены её были оклеены голубыми, небесного цвета, обоями, на которых висели огромные, в тяжёлых рамах картины. «Всё репродукции», – подумал Спадолин. Картины были мрачны и величественны. На них был изображён другой мир – буро-жёлтые степи, бело-голубые горы, лиловое небо и серые камни. Под каждой картиной стояло по простому тёмному столику, на каждом из которых помещалась курительница с дымящимися благовониями. Вонючка стояла непереносимая.

И среди миазмов, испускаемых шестью каминовыми, словно рокот моря, прозвучал оглушительный голос:

– Итак, я задам вам один вопрос, который Учитель считал одним из важнейших в осознании образа мира как сферы слоистых сущностей. Принимаете ли вы имя Майтрейи как центрального образа, формируемого зрачком Сущего?

Спадолин сперва решил, что этот вопрос прозвучал из пустоты. Затем он увидел на одном из кресел нечто, что сперва принял за сваленные вместе платья из гардероба. Это была невысокая пожилая женщина, очень полная, с одутловатым лицом и пронзительно горящими чёрными глазами. Широкие плечи и мощная грудь сразу указывали на то, что именно ей принадлежит трубный женский глас, рвавшийся из динамика домофона.

– Здравствуйте, Нонна Эфраимовна, – подошёл к ней Шемякин, – я – следователь Шемякин, расследую обстоятельства...

– И каждый взыскующий истину преследуем демонами и раکشасами в джунглях предгорного бытия! – проревела бабка.

– Скажите пожалуйста, чем занимался у вас в Центре профессор Никонов?

– Опустившись на дно Священного Озера, гуру Тайхачен увидел россыпи жемчуга и драгоценную рыбу. На его глазах рыба пожрала жемчуга. Тот, кто питается жемчугом, сам обретает ценность. Тот, кто питается дерьмом, уподобляется дерьму. Только тот, кто способен преобразить дерьмо в жемчуг, является достойным, – заорала женщина. Причём этот рёв она издавала всей грудью, почти не раскрывая рта.

– Расскажите пожалуйста, с кем контактировал ваш сотрудник? Выплачивал ли Центр ему какие-то средства? Был ли он общительным человеком?

– Издигерд провёл дезинфекцию одной пятой мира! Пора провести дезинфекцию его семи пяток! – вещала женщина, а потом вдруг повернулась к Сулейману и спросила: – Так вы уверены, что под их претензиями нет никаких оснований?

Спадолин даже рот открыл от изумления. Создалось впечатление, будто внутри женщины повернули какой-то рубильник и она заговорила человеческим языком. «Не такая уж она и бабка, – решил Максим. – Лет пятьдесят пять, вряд ли больше. Интересно, она по своей воле уродует себя, кутаясь в это тряпье, или у неё какие-то нарушения в теплообмене? А ревёт она здорово – будто пророчествует. И тексты у неё – Коэльо позавидует. Интересно, это заготовки или экспромт? Если берёт из головы, тогда талант».

– Нет, нет, что вы, – заискивающим голосом ответил Измаилов.

– Да? Я что-то плохо расслышала вас, молодой человек, – очень вежливо обратилась Нонна Эфраимовна к Шемякину. – Повторите, пожалуйста, ваши вопросы.

Вопросы Шемякина женщина выслушала очень внимательно, и даже попыталась на них отвечать.

Да, профессора Никонова она знает одиннадцать лет. Да, он продолжал оставаться «в миру» доцентом, но общий духовный подъём в Центре вознёс его и его знание, после чего в университете города Аграпур брату Александру было присвоено звание почётного профессора. Присвоено было заочно, потому что телесно брат Александр не мог присутствовать в Аграпуре. И вообще никто не мог, ибо город этот расположен на высшем уровне бытия и туда допускаются только души избранных. Брат Александр преподавал учение страждущим, большому их количеству. Тут Нонна Эфраимовна полезла в ящик стола и вытащила несколько объявлений о курсах Живой Этики, проводимых профессором Прамачьядехом Вайрочаном (Александром Никоновым). Курсы были посвящены влиянию минералов на жизненный путь человека. У профессора Прамачьядеха Вайрочана было огромное количество учеников, и она, естественно, не может знать их всех. Да, Центр оказывал помощь профессору в организации мест для занятий. В качестве такого места выступал и «Центр Н. и Е. Рерих». Да, у профессора здесь имеется и свой стол. Ах, она забыла сказать об этом при предыдущем посещении? Нет, она не может выступить в качестве понятого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.